КНИГИ ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

Редьярд Киплинг

СКАЗКИ

#эксмодетство

Сказки
Редьярд Джозеф Киплинг

Аннотация
Редьярд Киплинг. Сказки
Слонёнок
Как кит получил свою глотку
Как носорог получил свою кожу
Как верблюд получил свой горб
Как леопард получил свои пятна
Приключения старого кенгуру
Первые броненосцы
Как краб играл с морем
Как кот гулял, где ему вздумается
Как мотылёк топнул ногой
Рикки-Тикки-тави
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI

Аннотация

В книге представлено 10 известных сказок Редьярда Киплинга про животных и знаменитый рассказ про мангуста Рикки-Тикки-Тави. Мудрые, поучительные, но в то же время весёлые истории помогут ответить на самые любопытные вопросы маленьких читателей: откуда у слона на голове хобот, почему звери покрыты пятнами, как появились первые кенгуру и броненосцы?

Редьярд Киплинг
Сказки

Перевод с английского *Любови Хавкиной*

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Слонёнок

В отдалённые времена, милые мои, слон не имел хобота. У него был только черноватый толстый нос, величиною с сапог, который качался из стороны в сторону, и поднимать им слон ничего не мог. Но появился на свете один слон, молоденький слон, слонёнок, который отличался неугомонным любопытством и поминутно задавал какие-нибудь вопросы. Он жил в Африке и всю Африку одолевал своим любопытством. Он спрашивал своего высокого дядю страуса, отчего у него перья растут на хвосте; высокий дядя страус за это бил его своей твёрдой-претвёрдой лапой. Он спрашивал свою высокую тётю жирафу, отчего у неё шкура пятнистая; высокая тётя жирафа за это била его своим твёрдым-претвёрдым копытом. И всё-таки любопытство его не унималось! Он спрашивал своего толстого дядю гиппопотама, отчего у него глаза красные;

толстый дядя гиппопотам за это бил его своим широким-прешироким копытом. Он спрашивал своего волосатого дядю павиана, отчего дыни имеют такой, а не иной вкус; волосатый дядя павиан за это бил его своей мохнатой-премохнатой рукой. И всё-таки любопытство его не унималось! Он задавал вопросы обо всём, что только видел, слышал, пробовал, нюхал, щупал, а все дядюшки и тётушки за это били его. И всё-таки любопытство его не унималось!

В одно прекрасное утро перед весенним равноденствием[1] неугомонный слонёнок задал новый странный вопрос. Он спросил:

— Что у крокодила бывает на обед?

Все громко закричали «шш» и принялись долго, безостановочно бить его.

Когда наконец его оставили в покое, слонёнок увидел птицу коло-коло, сидевшую на кусте терновника, и сказал:

— Отец бил меня, мать била меня, дядюшки и тётушки били меня за неугомонное любопытство, а я всё-таки хочу знать, что у крокодила бывает на обед!

Птица коло-коло мрачно каркнула ему в ответ:

---

[1] Примечания: 1

Весеннее равноденствие наступает 20–21 марта. В этот день долгота дня и ночи одинакова.

— Ступай на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, и сам посмотри!

На следующее утро, когда равноденствие уже окончилось, неугомонный слонёнок взял сто фунтов[2] бананов (мелких с красной кожицей), сто фунтов сахарного тростника (длинного с тёмной корой) и семнадцать дынь (зелёных, хрустящих) и заявил своим милым родичам:

— Прощайте! Я иду к большой серо-зелёной мутной реке Лимпопо, где растут деревья лихорадки, чтобы узнать, что у крокодила бывает на обед.

Он ушёл, немного разгорячённый, но нисколько не удивлённый. По дороге он ел дыни, а корки бросал, так как не мог их подбирать.

Шёл он, шёл на северо-восток и всё ел дыни, пока не пришёл на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, как ему говорила птица коло-коло.

Надо вам сказать, милые мои, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты неугомонный слонёнок

---

[2] Примечания: 2

Фунт — английская мера веса, равная 454 граммам. Значит, слонёнок взял почти по 45 с половиной килограммов бананов и сахарного тростника.

никогда не видал крокодила и даже не знал, как он выглядит.

Первый, кто попался слонёнку на глаза, был двухцветный питон (огромная змея), обвившийся вокруг скалистой глыбы.

— Простите, — вежливо сказал слонёнок, — не видали ли вы в этих краях крокодила?

— Не видал ли я крокодила? — гневно воскликнул питон. — Что за вопрос?

— Простите, — повторил слонёнок, — но не можете ли вы сказать мне, что у крокодила бывает на обед?

Двухцветный питон мгновенно развернулся и стал бить слонёнка своим тяжёлым-претяжёлым хвостом.

— Странно! — заметил слонёнок. — Отец и мать, родной дядюшка и родная тётушка, не говоря уже о другом дяде гиппопотаме и третьем дяде павиане, все били меня за неугомонное любопытство. Вероятно, и теперь мне за это же достаётся.

Он вежливо попрощался с питоном, помог ему опять обвиться вокруг скалистой глыбы и пошёл дальше, немного разгорячённый, но нисколько не удивлённый. По дороге он ел дыни, а корки бросал, так как не мог их подбирать. У самого берега большой серо-зелёной мутной реки Лим-

попо он наступил на что-то, показавшееся ему бревном.

Однако в действительности это был крокодил. Да, милые мои. И крокодил подмигнул глазом — вот так.

— Простите, — вежливо сказал слонёнок, — не случалось ли вам в этих краях встречать крокодила?

Тогда крокодил прищурил другой глаз и наполовину высунул хвост из тины. Слонёнок вежливо попятился; ему вовсе не хотелось, чтобы его опять побили.

— Иди сюда, малютка, — сказал крокодил. — Отчего ты об этом спрашиваешь?

— Простите, — вежливо ответил слонёнок, — но отец меня бил, мать меня била, не говоря уж о дяде страусе и тёте жирафе, которая дерётся так же больно, как дядя гиппопотам и дядя павиан. Бил меня даже здесь, на берегу, двухцветный питон, а он своим тяжёлым-претяжёлым хвостом колотит больнее их всех. Если вам всё равно, то, пожалуйста, хоть вы меня не бейте.

— Иди сюда, малютка, — повторило чудовище. — Я — крокодил.

И в доказательство он залился крокодиловыми слезами.

У слонёнка от радости даже дух захватило. Он стал на колени и сказал:

— Вы тот, кого я ищу уже много дней. Будьте добры, скажите мне, что у вас бывает на обед?

— Иди сюда, малютка, — ответил крокодил, — я тебе скажу на ушко.

Слонёнок пригнул голову к зубастой, зловонной пасти крокодила. А крокодил схватил его за нос, который у слонёнка до того дня и часа был не больше сапога, хотя гораздо полезнее.

— Кажется, сегодня, — сказал крокодил сквозь зубы, вот так, — кажется, сегодня на обед у меня будет слонёнок.

Это вовсе не понравилось слонёнку, милые мои, и он сказал в нос — вот так:

— Не надо! Пустите!

Тогда двухцветный питон со своей скалистой глыбы прошипел:

— Мой юный друг, если ты сейчас не примешься тянуть изо всех сил, то могу тебя уверить, что твоё знакомство с большим кожаным мешком (он имел в виду крокодила) окончится для тебя плачевно.

Слонёнок сел на берег и стал тянуть, тянуть, тянуть, а его нос всё вытягивался. Крокодил барахтался в воде, взбивая белую пену хвостом, а

слонёнок тянул, тянул, тянул.

Нос слонёнка продолжал вытягиваться. Слонёнок упёрся всеми четырьмя ногами и тянул, тянул, тянул, а его нос продолжал вытягиваться. Крокодил загребал хвостом воду, словно веслом, а слонёнок тянул, тянул, тянул. С каждой минутой нос его вытягивался — и как же ему было больно, ой-ой-ой!

Слонёнок почувствовал, что его ноги скользят, и сказал через нос, который у него теперь вытянулся аршина[3] на два:

— Знаете, это уже чересчур!

Тогда на помощь явился двухцветный питон. Он обвился двойным кольцом вокруг задних ног слонёнка и сказал:

— Безрассудный и опрометчивый юнец! Мы должны теперь хорошенько приналечь, иначе тот воин в латах (он имел в виду крокодила, милые мои) испортит тебе всю будущность.

Он тянул, и слонёнок тянул, и крокодил тянул. Но слонёнок и двухцветный питон тянули сильнее. Наконец крокодил выпустил нос слонёнка с таким всплеском, который слышен был вдоль всей реки Лимпопо.

---

[3] Примечания: 3

Арши2н — старинная мера длины, равная 71 сантиметру.

Слонёнок упал на спину. Однако он не забыл сейчас же поблагодарить двухцветного питона, а затем стал ухаживать за своим бедным вытянутым носом: обернул его свежими банановыми листьями и погрузил в большую серо-зелёную мутную реку Лимпопо.

— Что ты делаешь? — спросил двухцветный питон.

— Простите, — сказал слонёнок, — но мой нос совсем утратил свою форму, и я жду, чтобы он съёжился.

— Ну, тебе долго придётся ждать, — сказал двухцветный питон. — Удивительно, как иные не понимают собственного блага.

Три дня слонёнок сидел и ждал, чтобы его нос съёжился. А нос нисколько не укорачивался и даже сделал ему глаза раскосыми. Вы понимаете, милые мои, что крокодил вытянул ему настоящий хобот — такой, какой и теперь бывает у слонов.

Под конец третьего дня какая-то муха укусила слонёнка в плечо. Сам не отдавая себе отчёта, он поднял хобот и прихлопнул муху насмерть.

— Преимущество первое! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. Ну, теперь покушай немного!

Сам не отдавая себе отчёта, слонёнок протянул хобот, выдернул огромный пучок травы, выколотил её о свои передние ноги и отправил к себе в рот.

— Преимущество второе! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. Не находишь ли ты, что здесь солнце сильно припекает?

— Правда, — ответил слонёнок.

Сам не отдавая себе отчёта, он набрал тины из большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо и выплеснул себе на голову. Получился грязевой чепчик, который растёкся за ушами.

— Преимущество третье! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. А не хочешь ли быть битым?

— Простите меня, — ответил слонёнок, — вовсе не хочу.

— Ну, так не хочешь ли сам побить кого-нибудь? — продолжал двухцветный питон.

— Очень хочу, — сказал слонёнок.

— Хорошо. Вот увидишь, как для этого тебе пригодится твой новый нос, — объяснил двухцветный питон.

— Благодарю вас, — сказал слонёнок. — Я последую вашему совету. Теперь я отправлюсь к

своим и на них испробую.

Слонёнок пошёл домой через всю Африку, крутя и вертя своим хоботом. Когда ему хотелось полакомиться плодами, он срывал их с дерева, а не ждал, как прежде, чтобы они сами упали. Когда ему хотелось травы, он, не нагибаясь, выдёргивал её хоботом, а не ползал на коленях, как прежде. Когда мухи кусали его, он выламывал себе ветку и обмахивался ею. А когда солнце припекало, он делал себе новый прохладный чепчик из тины. Когда ему скучно было идти, он мурлыкал песенку, и через хобот она звучала громче медных труб. Он нарочно свернул с дороги, чтобы найти какого-нибудь толстого гиппопотама (не родственника) и хорошенько его отколотить. Слонёнку хотелось убедиться, прав ли двухцветный питон относительно его нового хобота. Всё время он подбирал корки дынь, которые побросал по дороге к Лимпопо: он отличался опрятностью.

В один тёмный вечер он вернулся к своим и, держа хобот кольцом, сказал:

— Здравствуйте!

Ему очень обрадовались и ответили:

— Иди-ка сюда, мы тебя побьём за неугомонное любопытство.

— Ба! — сказал слонёнок. — Вы вовсе не умеете

бить. Зато посмотрите, как я дерусь.

Он развернул хобот и так ударил двух своих братьев, что они покатились кувырком.

— Ой-ой-ой! — воскликнули они. — Где ты научился таким штукам?.. Постой, что у тебя на носу?

— Я получил новый нос от крокодила на берегу большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, — сказал слонёнок. — Я спросил, что у него бывает на обед, а он мне дал вот это.

— Некрасиво, — сказал волосатый дядя павиан.

— Правда, — ответил слонёнок, — зато очень удобно.

С этими словами он схватил своего волосатого дядю павиана за мохнатую руку и сунул его в гнездо шершней.

Затем слонёнок принялся бить других родственников. Они очень разгорячились и очень удивились. Слонёнок повыдергал у своего высокого дяди страуса хвостовые перья. Схватив свою высокую тётку жирафу за заднюю ногу, он проволок её через кусты терновника. Слонёнок кричал на своего толстого дядюшку гиппопотама и задувал ему пузыри в ухо, когда тот после обеда спал в воде. Зато он никому не позволял обижать

птицу коло-коло.

Отношения настолько обострились, что все родичи, один за другим, поспешили на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, чтобы добыть себе у крокодила новые носы. Когда они вернулись назад, то больше никто уже не дрался. С той поры, милые мои, все слоны, которых вы увидите, и даже те, которых вы не увидите, имеют такие же хоботы, как неугомонный слонёнок.

Как кит получил свою глотку

Некогда, милые мои, жил в море кит, и питался он рыбами и морскими животными. Он ел треску и камбалу, плотву и скатов, скумбрию и щуку, морских звёзд и крабов, а также настоящих вьюнов-угрей. Он истребил всех рыб. Осталась в море только одна маленькая хитрая рыбка, но она всегда плавала около правого уха кита, так что он не мог её схватить. Дошло до того, что кит приподнялся на хвосте и сказал:

— Я есть хочу!

А маленькая хитрая рыбка лукаво спросила:

— Не случалось ли тебе, благородный и могучий кит, отведать человека?

— Нет, — ответил кит. — А разве он вкусный?

— Вкусный, — сказала маленькая хитрая рыбка, — только он очень прыткий.

— Ну так добудь мне несколько штук, — приказал кит и, взмахнув хвостом, высоко взбил пену

на гребнях волн.

— В один присест хватит и одного, — сказала хитрая рыбка. — Если ты поплывёшь дальше, то под пятидесятым градусом северной широты и сороковым градусом восточной долготы ты найдёшь человека, сидящего на плоту среди моря. На нём синие холщовые шаровары и подтяжки (не забудьте про подтяжки, милые мои!), а в руках у него складной нож. Это моряк, потерпевший крушение, и, надо вам сказать, необыкновенно умный и рассудительный человек.

Кит плыл да плыл к пятидесятому градусу северной широты и сороковому градусу восточной долготы. Плыл он изо всех сил, и вот наконец среди моря он увидел на плоту человека в синих холщовых шароварах и подтяжках (помните особенно о подтяжках, милые мои!), со складным ножом в руках. Это был моряк, потерпевший крушение. Он сидел и болтал ногами в воде. (Ему мама позволила болтать ногами в воде, иначе он не стал бы этого делать, так как он был необыкновенно умный и рассудительный человек.)

Подплыв ближе, кит так разинул пасть, что она у него чуть не дошла до хвоста, и проглотил моряка, потерпевшего крушение, вместе с плотом, на котором он сидел, с синими холщовыми ша-

роварами, подтяжками (о которых вы не должны забывать) и складным ножом. Он отправил всё это в своё глубокое, тёплое, тёмное нутро, причмокнул и три раза повернулся на своём хвосте.

Но как только моряк, человек необыкновенно умный и рассудительный, очутился в глубоком, тёплом, тёмном нутре кита, он тотчас же принялся прыгать, шмыгать, скакать, плясать, кувыркаться, брыкаться, топать, хлопать, толкаться, кусаться, кричать, вздыхать, и кит почувствовал себя очень нехорошо. (Вы не забыли про подтяжки?)

Кит сказал хитрой рыбке:

— Ужасно прыткий этот человек. Он вызывает у меня икоту. Как мне быть с ним?

— Вели ему вылезть, — ответила хитрая рыбка.

Кит гаркнул в собственное нутро моряку, потерпевшему крушение:

— Выходи и ступай куда знаешь. У меня икота.

— Ну нет! — сказал моряк. — Не на таковского напал. Доставь меня к родным берегам, к белым скалам Альбиона[4], и тогда я ещё подумаю, выйти мне или нет.

И он принялся скакать пуще прежнего.

---

[4] Примечания: 4

Альбио2н — старое название Британских островов.

— Доставь уж его на родину, — посоветовала хитрая рыбка. — Я забыла тебя предупредить, что это необыкновенно умный и рассудительный человек.

Кит плыл, плыл, плыл, работая плавниками и хвостом настолько быстро, насколько ему позволяла икота. Наконец он увидел перед собой родину моряка и белые скалы Альбиона. Он до половины выскочил на берег и, широко разинув пасть, сказал:

— Здесь пересадка на Винчестер, Ашулот, Нашуа, Кин и другие станции Фитчбургской дороги.

Как только он произнёс «Фитч…», моряк выскочил из его пасти. Однако, пока кит плыл, моряк, который действительно был необыкновенно умным и рассудительным человеком, взял свой нож и разрезал плот на узкие дощечки, которые крепко связал подтяжками. (Теперь вы понимаете, милые мои, почему не надо было забывать о подтяжках!) Получилась сквозная решётка. Моряк её втиснул в глотку кита, где она и застряла. Тогда он произнёс двустишие, которого вы, конечно, не знаете, а потому я вам его скажу:

Решётку я тебе всадил,

Чтоб ты меня не проглотил.

Хитрец был этот моряк! Он вышел на берег и отправился к своей матери, которая позволила ему болтать ногами в воде. Потом он женился и зажил счастливо. Кит тоже. Однако с того самого дня, как у него в горле застряла решётка, которую он не мог ни выплюнуть, ни проглотить, кит не мог питаться ничем, кроме мелких рыбок. Вот почему киты и теперь не едят ни взрослых людей, ни маленьких мальчиков и девочек.

А маленькая хитрая рыбка спряталась под воротами экватора. Она боялась, что кит на неё очень рассердится.

Моряк взял домой свой нож. Он вышел на берег в своих синих холщовых шароварах, но подтяжек на нём уже не было, так как он ими связал решётку.

Вот и сказке конец.

Как носорог получил свою кожу

На необитаемом острове, у берегов Красного моря, жил да был парс [5]. Он носил шляпу, от которой солнечные лучи отражались с чисто сказочным великолепием. У этого-то парса, который жил около Красного моря, только и было имущества, что шляпа, нож да жаровня (такая жаровня, каких детям обыкновенно не позволяют трогать). Однажды он взял муку, воду, коринку, сливы, сахар и ещё кое-какие припасы и состряпал себе пирог, имевший два фута[6] в поперечнике и три фута толщины. Это был удивительный, сказочный пирог! Парс поставил его на жаровню и пёк до тех пор, пока он не зарумянился и от него не пошёл аппетитный запах. Но лишь только

[5] Примечания: 5

Па2рсы — один из народов, родственных древним иранцам.

[6] Примечания: 6

Фут — английская мера длины, равная 30,5 сантиметрам. Значит, пирог имел 61 сантиметр в поперечнике и был толщиной 91,5 сантиметра.

парс собрался есть его, как вдруг из необитаемых дебрей вышел зверь с большим рогом на носу, с подслеповатыми глазками и неуклюжими движениями. В те времена у носорога кожа была совсем гладкая, без единой морщинки. Он как две капли воды походил на носорога в игрушечном Ноевом ковчеге, только, конечно, был гораздо больше. Как тогда он не отличался ловкостью, так не отличается ею теперь и никогда не будет отличаться. Он сказал:

— Ууу!

Парс испугался, бросил пирог и полез на верхушку пальмы со своей шляпой, от которой лучи солнца отражались с чисто сказочным великолепием. Носорог перевернул жаровню, и пирог покатился на землю. Он поднял его своим рогом, скушал и, помахивая хвостом, ушёл в свои дебри, примыкающие к островам Мазендеран и Сокотора. Тогда парс слез с пальмы, подобрал жаровню и произнёс двустишие, которого вы, конечно, никогда не слыхали, а потому я вам его скажу:

Припомнит тот, кто взял пирог,
Который парс себе испёк!

В этих словах заключалось гораздо больше смысла, чем вы полагаете.

Через пять недель у берегов Красного моря началась страшная жара. Люди поснимали одежду, какая на них была. Парс снял свою шляпу, а носорог снял свою кожу и понёс её на плече, отправляясь купаться в море. В те времена она у него застегивалась внизу на три пуговицы, как дождевой плащ. Проходя мимо парса, он даже не вспомнил о пироге, который стащил у него и съел. Он оставил кожу на берегу, а сам бросился в воду, выдувая носом пузыри.

Парс увидел, что кожа носорога лежит на берегу, и засмеялся от радости. Он три раза проплясал вокруг неё, потирая руки. Затем он вернулся на свой бивуак и наполнил шляпу до краёв крошками пирога — парсы едят только пироги и никогда не подметают своего жилья. Он взял кожу носорога, хорошенько встряхнул её и насыпал в неё сколько мог сухих колючих крошек и пережжённых коринок. Затем он взобрался на вершину пальмы и принялся ждать, когда носорог вылезет из воды и станет надевать кожу.

Носорог вылез, напялил кожу и застегнул её на все три пуговицы, но крошки страшно щекотали его. Он попробовал почесаться — вышло ещё хуже. Тогда он стал кататься по земле, а крошки щекотали всё больше и больше. Он вскочил, под-

бежал к пальме и принялся тереться об её ствол. Тёрся он до тех пор, пока кожа не сдвинулась крупными складками на его плечах, ногах и в том месте, где были пуговицы, которые от трения поотскакивали. Он страшно злился, но крошки удалить никак не мог, потому что они находились под кожей и не могли не щекотать его. Он ушёл в свои дебри, не переставая почёсываться. С того дня у каждого носорога бывают складки на коже и дурной характер, а всё из-за того, что у них остались под кожей крошки.

Что касается парса, то он слез со своей пальмы, надел шляпу, от которой лучи солнца отражались с чисто сказочным великолепием, взял под мышку свою жаровню и пошёл куда глаза глядят.

Как верблюд получил свой горб

В этой сказке я расскажу вам, как верблюд получил свой горб.

В начале веков, когда мир только возник и животные только принимались работать на человека, жил верблюд. Он обитал в Ревущей пустыне, так как не хотел работать и к тому же сам был ревуном. Он ел листья, шипы, колючки, молочай и ленился напропалую. Когда кто-нибудь обращался к нему, он фыркал: «Фрр...» — и больше ничего.

В понедельник утром пришла к нему лошадь с седлом на спине и удилами во рту. Она сказала:

— Верблюд, а верблюд! Иди-ка возить вместе с нами.

— Фрр... — ответил верблюд.

Лошадь ушла и рассказала об этом человеку.

Затем явилась собака с палкой в зубах и сказала:

— Верблюд, а верблюд! Иди-ка служи и носи вместе с нами.

— Фрр… — ответил верблюд.

Собака ушла и рассказала об этом человеку.

Затем явился вол с ярмом на шее и сказал:

— Верблюд, а верблюд! Иди пахать землю вместе с нами.

— Фрр… — ответил верблюд.

Вол ушёл и рассказал об этом человеку.

В конце дня человек призвал к себе лошадь, собаку и вола и сказал им:

— Знаете, мне очень жаль вас. Верблюд в пустыне не желает работать, ну и шут с ним! Зато вы вместо него должны работать вдвое.

Такое решение очень рассердило троих трудолюбивых животных, и они собрались для совещания где-то на краю пустыни. Там к ним подошёл верблюд, пережёвывая молочай, и стал смеяться над ними. Потом он сказал: «Фрр…» — и удалился.

Вслед за тем появился повелитель всех пустынь Джинн в целом облаке пыли (Джинны, будучи волшебниками, всегда путешествуют таким способом). Он остановился, прислушиваясь к совещанию троих.

— Скажи нам, владыка пустынь, Джинн, —

спросила лошадь, — справедливо ли, чтобы кто-нибудь ленился и не хотел работать?

— Конечно, нет, — ответил Джинн.

— Так вот, — продолжала лошадь, — в глубине твоей Ревущей пустыни живёт зверь с длинной шеей и длинными ногами, сам ревун. С утра понедельника он ещё ничего не делал. Он совсем не хочет работать.

— Фью!.. — свистнул Джинн. — Да это мой верблюд, клянусь всем золотом Аравии! А что же он говорит?

— Он говорит: «Фрр…» — ответила собака, — и не хочет служить и носить.

— А ещё что он говорит?

— Только «фрр…» и не хочет пахать, — ответил вол.

— Ладно, — сказал Джинн, — я его проучу, подождите здесь минутку.

Джинн снова закутался в своё облако и помчался через пустыню. Вскоре он нашёл верблюда, который ничего не делал и смотрел на собственное отражение в луже воды.

— Эй, дружище! — сказал Джинн. — Я слышал, будто ты не хочешь работать. Правда ли это?

— Фрр… — ответил верблюд.

Джинн сел, подперев подбородок рукой, и стал

придумывать великое заклинание, а верблюд всё смотрел на своё отражение в луже воды.

— Благодаря твоей лени трое животных с утра понедельника принуждены были работать за тебя, — сказал Джинн и продолжал обдумывать заклинание, подперев подбородок рукою.

— Фрр… — ответил верблюд.

— Фыркать тебе не следует, — заметил Джинн. — Ты уж слишком много фыркаешь. А вот что я тебе скажу: ступай работать.

Верблюд снова ответил: «Фрр…» — но в это время почувствовал, что его ровная спина, которой он так гордился, вдруг стала вздуваться, вздуваться, и наконец на ней образовался огромный горб.

— Видишь, — сказал Джинн, — этот горб у тебя вырос потому, что ты не хотел работать. Сегодня уже среда, а ты ещё ничего не делал с самого понедельника, когда началась работа. Теперь настал и твой черёд.

— Как же я могу работать с такой штукой на спине? — заявил верблюд.

— Я это устроил нарочно, — сказал Джинн, — так как ты пропустил целых три дня. Отныне ты сможешь работать три дня без всякой пищи, и горб прокормит тебя. Ты не вправе жаловаться, будто я о тебе не позаботился. Бросай свою пусты-

ню, иди к троим друзьям и веди себя как следует. Да поворачивайся живее!

Как верблюд ни фыркал, а пришлось ему взяться за работу вместе с остальными животными. Однако он и до сих пор ещё не наверстал тех трёх дней, которые пропустил с самого начала, и до сих пор ещё не научился вести себя как следует.

Как леопард получил свои пятна

В те времена, милые мои, когда все животные ещё бегали на свободе, леопард жил в знойной пустыне, где были только камни да песок и где росла лишь чахлая травка под цвет песка. Кроме него там жили и другие звери: жираф, зебра, лось, антилопа и косуля. Все они были серовато-желтовато-коричневого цвета. Самым серовато-желтовато-коричневым между ними был леопард, имевший вид огромной кошки и почти не отличавшийся от почвы пустыни. Для жирафа, зебры и остальных животных это было очень плохо. Он притаивался где-нибудь за серовато-желтовато-коричневым камнем или утёсом и подстерегал жертву, которая никак не могла миновать его когтей. Был у зверей ещё один враг — эфиоп (в ту пору серовато-желтовато-коричневый человек), с луком и стрелами. Он также жил в пустыне и охотился вместе с леопардом. Эфиоп

пускал в ход лук и стрелы, а леопард — исключительно зубы и когти. Довели они до того, милые мои, что жираф, лось, косуля и другие животные не знали, куда деться.

Прошло много времени — звери тогда были долговечны, — и несчастные жертвы научились избегать леопарда и эфиопа. Мало-помалу они все покинули пустыню. Пример подал жираф, который отличался особенно длинными ногами. Шли они, шли, пока не дошли до большого леса, где могли скрыться под тенью деревьев и кустарников. Опять протекло немало времени. От неравномерно ложившихся теней жираф, прятавшийся под деревьями, сделался пятнистым, зебра сделалась полосатой, а лось и косуля потемнели, и на спине у них образовалась волнистая серая линия, напоминавшая древесную кору. По обонянию или слуху можно было определить, что они недалеко, но разглядеть их в лесу не удавалось. Им жилось хорошо, а леопард с эфиопом рыскали по пустыне и недоумевали, куда исчезли их завтраки и обеды. Наконец голод довёл их до того, что они стали есть крыс, жуков и кроликов, но у них от этого разболелись животы.

Однажды они повстречали мудрого павиана, самого мудрого из зверей Южной Африки. Лео-

пард спросил его:

— Скажи, куда девалась вся дичь?

Павиан только кивнул головой, но он знал.

Тогда эфиоп в свою очередь спросил павиана:

— Не можешь ли ты сообщить мне, где нынешнее пребывание первобытной фауны [7] здешних мест?

Смысл был тот же, но эфиопы всегда выражались вычурно, особенно взрослые.

Павиан кивнул головой. Он-то знал! Наконец он ответил:

— Все они убежали в другие места. Мой совет, леопард, беги и ты отсюда как можно скорее.

Эфиоп заметил:

— Всё это очень хорошо, но я желал бы знать, куда выселилась первобытная фауна?

Павиан ответил:

— Первобытная фауна отправилась искать первобытную флору [8], так как пора было позаботиться о перемене. Мой совет тебе, эфиоп, также поскорее позаботиться о перемене.

Леопард с эфиопом были озадачены. Они тотчас же отправились на поиски первобытной

---

[7] Примечания: 7

Фа2уна — животные.

[8] Примечания: 8

Фло2ра — растительность.

флоры и через много дней добрели до высокого тенистого леса.

— Что это значит, — сказал леопард, — здесь темно, а между тем видны какие-то светлые полоски и пятна?

— Не знаю, — ответил эфиоп. — Это, вероятно, первобытная растительность. Послушай, я чую жирафа, я его слышу, но не вижу.

— Вот удивительно! — воскликнул леопард. — Должно быть, мы ничего не видим потому, что после яркого света сразу попали в тень. Я чую зебру, я её слышу, но не вижу.

— Погоди немного, — сказал эфиоп. — Мы давно уже на них не охотились. Может быть, мы забыли, как они выглядят.

— Вздор! — возразил леопард. — Я отлично помню этих зверей, в особенности их мозговые косточки. Жираф ростом около семнадцати футов [9] и золотисто-рыжий с головы до пят. А зебра ростом около четырёх с половиною футов[10] и серо-бурого цвета с головы до пят.

— Гм! — сказал эфиоп, рассматривая густую листву первобытной флоры. — Они должны здесь

---

[9] Примечания: 9
Рост жирафа — более 4 метров.

[10] Примечания: 10
Рост зебры — около полутора метров.

выделяться, как спелые бананы.

Тем не менее жираф и зебра не выделялись на тёмной зелени. Леопард с эфиопом рыскали весь день и хотя чуяли и слышали зверей, но не видели ни одного из них.

— Подождём, пока стемнеет, — предложил леопард, когда стало смеркаться. — Такая охота днём просто позор.

Они дождались наступления ночи. Вдруг леопард услышал поблизости какое-то сопение. При слабом мерцании звёзд он ничего не мог различить, но всё-таки вскочил и кинулся вперёд. Невидимое существо имело запах зебры и на ощупь было похоже на зебру, а когда он повалил его, то брыкнулось, как зебра, но всё-таки он не мог его различить. Поэтому он сказал:

— Лежи спокойно, странное создание! Я просижу на твоей шее до утра, так как мне хочется раскрыть загадку.

В это время он услышал какую-то свалку, ворчание и треск, и эфиоп крикнул ему:

— Я поймал зверя, но не знаю какого! У него запах жирафа, брыкается он, как жираф, но очертаний его не видно.

— Не выпускай его, — сказал леопард. — Сядь и сиди на нём до утра, как я. Их всё равно не

разглядишь.

Они сидели каждый на своей добыче, пока не рассвело. Тогда леопард спросил:

— Что, брат, у тебя поймалось?

Эфиоп почесал затылок и сказал:

— Если бы этот зверь был золотисто-рыжий с головы до пят, то я, не сомневаясь, назвал бы его жирафом. Но он весь покрыт коричневыми пятнами. А у тебя что?

Леопард тоже почесал затылок и ответил:

— Если бы мой зверь был нежного серо-бурого цвета, то я сказал бы, что это зебра, но он весь испещрён чёрными и красными полосами. Что ты с собою сделала, зебра? Знаешь ли ты, что в пустыне я тебя увидел бы за десять вёрст?

— Да, — ответила зебра, — но здесь ведь не пустыня. Ты теперь видишь меня?

— Вижу, но вчера целый день не мог разглядеть. Отчего это?

— Вот выпустите нас, и мы вам объясним, — сказала зебра.

Они отпустили зебру и жирафа. Зебра подбежала к мелкорослому терновнику, сквозь который солнечный свет пробивался полосами, а жираф спрятался под высоким деревом, где тень от листьев ложилась пятнами.

— Теперь смотрите! — одновременно крикнули зебра и жираф. — Вы хотите знать, как это бывает? Раз-два-три! Где же ваш завтрак?

Леопард смотрел, и эфиоп смотрел, но они видели только полосатые и пятнистые тени в лесу, но никаких признаков зебры или жирафа. Те успели убежать и скрыться в тенистом лесу.

— Ха-ха! — воскликнул эфиоп. — Да это штука, достойная подражания. Намотай себе на ус, леопард, а то ты здесь, в темноте, выделяешься, как кусок мыла в корзине угля.

— Хо-хо! — гаркнул леопард. — А я тебе скажу, что ты здесь, в темноте, выделяешься, как горчичник на спине угольщика.

— Ну, нечего ругаться, этим сыт не будешь, — заявил эфиоп. — Ясно, что мы не подходим к здешней обстановке. Я думаю последовать совету павиана. Он сказал мне, чтобы я позаботился о перемене. Так как у меня ничего нет, кроме кожи, то я её и переменю.

— Переменишь? — спросил леопард в сильнейшем недоумении.

— Ну да. Мне нужно, чтобы она была иссиня-чёрная. Тогда удобно будет прятаться в пещерах и за деревьями.

Сказано — сделано. Леопард недоумевал ещё

больше, так как ему в первый раз приходилось видеть, чтобы человек менял кожу.

— А я-то как же буду? — жалобно спросил он, когда эфиоп вдел последний палец в свою новенькую блестящую чёрную кожу.

— Последуй тоже совету павиана. Сделайся пятнистым наподобие жирафа.

— Зачем?

— Ты подумай только, до чего это выгодно. А может быть, ты предпочитаешь полосы, как у зебры? И зебра и жираф очень довольны своими новыми узорами.

— Гм! — сказал леопард. — Я вовсе не хочу быть похожим на зебру.

— Решайся скорее, — настаивал эфиоп. — Мне не хотелось бы идти на охоту без тебя, но волей-неволей придётся, если ты будешь выглядеть, как подсолнечник у тёмного забора.

— Ну так я выбираю пятна, — сказал леопард. — Только не делай их слишком большими. Я не хочу быть похожим на жирафа.

— Хорошо, я сделаю пятна кончиками пальцев, — ответил эфиоп. — У меня ещё осталось достаточно сажи на коже. Становись!

Эфиоп сжал свою пятерню (на новенькой коже у него и вправду ещё оставалось достаточно са-

жи) и стал там и сям прикасаться к телу леопарда. Везде, где он дотрагивался пальцами, оставались пять маленьких чёрненьких отпечатков, один около другого. Вы можете видеть их и теперь, милые мои, на шкуре любого леопарда. Иногда пальцы соскальзывали, и от этого следы немного расплывались. Однако, присматриваясь к какому-нибудь леопарду, вы всегда увидите пять следов от пяти жирных чёрных пальцев.

— Теперь ты красавец! — воскликнул эфиоп. — Если ты ляжешь на голую землю, то тебя можно будет принять за кучу камней. Если же ты примостишься на скале, то тебя можно будет принять за пористую глыбу. Если ты влезешь на раскидистую ветку, то можно будет подумать, что это солнце пробивается сквозь листву. Цени и радуйся!

— Если это так хорошо, — сказал леопард, — то отчего же ты сам не сделался пятнистым?

— Для негра чёрный цвет лучше, — ответил эфиоп. — Пойдём посмотрим, нельзя ли нам догнать этих господ Раз-два-три-где-ваш-завтрак?

С тех пор они зажили припеваючи, милые мои. Вот и всё.

Приключения старого кенгуру

Кенгуру не всегда выглядел так, как теперь. Это был совсем другой зверёк, с четырьмя ногами, серый, пушистый и очень спесивый. Проплясав на пригорке в самой середине Австралии, он отправился к маленькому богу Нка.

Пришёл он к Нка около шести часов утра и сказал:

— Сделай меня непохожим на других зверей, чтобы я изменился уже сегодня к пяти часам дня.

Нка вскочил с песчаной отмели, на которой сидел, и крикнул:

— Убирайся вон!

Кенгуру был серый, пушистый и очень спесивый. Проплясав на каменном утёсе в самой середине Австралии, он отправился к более могущественному богу Нкингу.

Пришёл он к Нкингу в восемь часов утра и

сказал:

— Сделай меня непохожим на других зверей и устрой, чтобы сегодня же к пяти часам дня я прославился.

Нкинг выскочил из своей берлоги под терновником и крикнул:

— Убирайся вон!

Кенгуру был серый, пушистый и очень спесивый. Проплясав по песчаной равнине в самой середине Австралии, он отправился к самому могущественному богу Нконгу.

Пришёл он к Нконгу в десять часов и сказал:

— Сделай меня непохожим на других зверей, чтобы я прославился и весь свет заговорил обо мне к пяти часам дня.

Нконг выскочил из маленького соляного озера, в котором купался, и крикнул:

— Ладно!

Нконг позвал Динго, жёлтого пса Динго, вечно голодного и грязного, и, указывая на кенгуру, сказал:

— Динго! Проснись, Динго! Видишь ли ты этого плясуна? Он хочет прославиться, чтобы о нём заговорил весь свет. Если он так гоняется за славой, так погоняй же его!

Динго, жёлтый пёс Динго, вскочил и спросил:

— Кого? Этого кролика?

Динго, жёлтый пёс Динго, вечно голодный, скрипя зубами, побежал за кенгуру, который улепётывал от него во всю прыть.

Здесь, милые мои, кончается первая часть сказки!

Кенгуру бежал через пустыню, бежал по горам и долам, по полям и лесам, по колючкам и кочкам, бежал, пока у него не заболели передние ноги.

Что поделать!

За ним бежал Динго, жёлтый пёс Динго, вечно голодный, скрежетавший зубами. Он не догонял кенгуру и не отставал от него, а всё бежал и бежал.

Что поделать!

Кенгуру, старый кенгуру, всё бежал и бежал. Бежал он под деревьями, бежал среди кустарников, бежал по высокой траве и низкой траве, бежал через тропики Рака и Козерога, пока у него не заболели задние ноги.

Что поделать!

Динго, жёлтый пёс Динго, по-прежнему гнался за ним и от возраставшего голода ещё сильнее скрежетал зубами. Он не догонял кенгуру, но и не отставал от него, пока они оба не подбежали к реке Вольгонг.

На реке не было ни моста, ни парома, и кенгуру не знал, как ему перебраться на другой берег. Он присел на задние лапы и стал прыгать.

Что поделать!

Прыгал он по камням, прыгал он по песку, прыгал он по всем пустыням Средней Австралии, прыгал, как прыгают кенгуру.

Сначала он прыгнул на один аршин[11], потом — на три аршина, потом — на пять аршин. Ноги его окрепли и удлинились. Ему некогда было отдохнуть или закусить, хотя он в этом очень нуждался.

Динго, жёлтый пёс Динго, рассвирепев от голода, гнался за ним как бешеный и не мог надивиться, отчего старый кенгуру вдруг запрыгал.

А он прыгал, как кузнечик, как горошина в кастрюле, как резиновый мячик в детской.

Что поделать!

Он поджал передние лапы и прыгал на одних задних. Чтобы не потерять равновесия, он вытянул хвост и всё прыгал и прыгал по равнине.

Что поделать!

Динго, усталый пёс Динго, всё более голодный

---

[11] Примечания: 11

Арши2н — это чуть больше 71 см. Значит, кенгуру прыгнул первый раз на 71 см, второй раз — на 2 м 13 см, а в третий раз — на три с половиной метра.

и разъярённый, бежал, недоумевая, когда же кенгуру остановится.

В это время Нконг вышел из своего соляного озера и сказал:

— Уже пять часов.

Динго, бедный пёс Динго, вечно голодный и грязный, сел, высунул язык и завыл.

Сел также и кенгуру, старый кенгуру, расправил хвост и воскликнул:

— Слава богу, что *это* кончилось!

Тогда Нконг, всегда необыкновенно вежливый, сказал ему:

— Что же ты не благодаришь жёлтого пса Динго? Почему ты до сих пор не выразишь ему признательности за всё, что он для тебя сделал?

Кенгуру, измученный старый кенгуру, ответил:

— Я не понимаю, за что. Он прогнал меня из тех мест, где я провёл детство, он не дал мне покушать, наконец, он изуродовал мои ноги.

Нконг возразил:

— Если не ошибаюсь, ты просил меня сделать тебя непохожим на других зверей, чтобы все заговорили о тебе. Это свершилось, и сейчас ровно пять часов.

— Да, — сказал кенгуру, — лучше бы я не просил

тебя. Я думал, что ты пустишь в ход какие-нибудь чары, а ты просто посмеялся надо мною.

— Посмеялся! — крикнул Нконг из воды, куда он опять влез. — А ну, повтори ещё раз! Я позову Динго и заставлю его гнаться за тобой до тех пор, пока ты не останешься совсем без задних ног.

— Нет, нет! — сказал кенгуру. — Прошу прощения. Ноги всё-таки — ноги, и без них нельзя обойтись. Я хотел только объяснить, что с утра ничего не ел и в животе у меня совсем пусто.

— И я тоже, — вставил Динго, жёлтый пёс Динго. — Я сделал его непохожим на других зверей и за это хотел бы что-нибудь получить на чай.

Нконг ответил им из своей соляной ванны:

— Завтра изложите свои просьбы, а теперь я буду купаться.

Старый кенгуру и жёлтый пёс Динго остались друг против друга в самой середине Австралии, и каждый из них твердил:

— Это *ты* во всём виноват!

Первые броненосцы

Я хочу рассказать вам, милые мои, ещё одну сказочку из очень отдалённых времён. Был на свете тогда Забияка Колючий Ёжик, и жил он на берегу быстрой реки Амазонки, питаясь улитками и слизняками. У него была приятельница Медлительная Степенная Черепаха, которая также жила на берегу быстрой реки Амазонки и питалась зелёным салатом и всякой травой.

Так-то, милые мои!

В те же отдалённые времена жил-был Пятнистый Ягуар. Он также обитал на берегу быстрой реки Амазонки и питался всем, что только мог поймать. Если ему не попадались олени или обезьяны, он ел лягушек и жуков. Если он не находил лягушек и жуков, то бежал к своей матери Ягуарихе, которая учила его, как есть ёжиков и черепах.

Она часто повторяла ему, грациозно помахивая

хвостом:

— Сын мой, когда ты найдёшь ёжика, то брось его в воду, и он развернётся. Когда же ты найдёшь черепаху, то выцарапай её лапой из-под её рогового щита.

Так-то, милые мои!

В одну прекрасную ночь Пятнистый Ягуар нашёл под стволом упавшего дерева Забияку Колючего Ёжика и Медлительную Степенную Черепаху. Убежать им не удалось, и потому Забияка Колючий Ёжик свернулся в клубочек — недаром он был ёжиком, а Медлительная Степенная Черепаха, насколько возможно было, втянула голову и ножки под роговой щит — недаром она была черепахой.

Так-то, милые мои!

— Вот затруднение! — воскликнул Пятнистый Ягуар. — Мать учила меня, что, когда я встречу ёжика, надо бросить его в воду, и он развернётся, а если я встречу черепаху, то должен выцарапать её лапой. Но кто же из вас ёжик, а кто черепаха? Клянусь своей пятнистой шкурой, я не знаю.

— Ты не спутал ли, чему тебя учила мама? — спросил Забияка Колючий Ёжик. — Может быть, она сказала, что черепаху надо развернуть, а ёжика выцарапать лапой?

— Ты не спутал ли, чему тебя учила мама? — спросила Медлительная Степенная Черепаха. — Может быть, она сказала, что ёжика надо выцарапать, а черепаху бросить в воду?

— Кажется, что не так, — ответил Пятнистый Ягуар, порядком озадаченный. — Пожалуйста, повторите ещё раз, да только яснее.

— Если ты выцарапаешь лапой воду, то развернёшь ёжика, — сказал Колючий Забияка. — Хорошенько запомни, это очень важно.

— Однако, — перебила Черепаха, — если ты выцарапаешь мясо, то уронишь черепаху. Неужели ты не понимаешь?

— Ну вас совсем. Я ваших разъяснений не спрашиваю. Мне нужно знать одно: кто из вас ёжик, а кто черепаха.

— Этого я тебе не скажу, — ответил Колючий Забияка. — Но ты можешь, если угодно, выцарапать меня из-под моего щита.

— Ага! — воскликнул Пятнистый Ягуар. — Вот ты и проговорился. Теперь я знаю, что ты черепаха. Ты думал, я не узнаю? Как же!

Пятнистый Ягуар протянул свою лапу, а в это время Ёжик свернулся клубочком, и, конечно, иглы впились в лапу Ягуара. Но хуже всего то, что Ягуар отбросил Колючего Забияку в кусты, где

было так темно, что он не мог его найти. От боли Ягуар сунул лапу в рот, но иглы от этого вонзились ещё глубже. Как только он был в состоянии вымолвить хоть слово, то воскликнул:

— Теперь я знаю, что ты не черепаха. А впрочем, — добавил он, почёсывая затылок здоровой лапой, — почём знать, что другая действительно черепаха?

— Конечно, я черепаха, — сказала Медлительная Степенная особа. — Твоя мама была права. Она говорила, что ты должен меня выцарапать из-под щита. Ну, начинай!

— Только что ты рассказывала совсем другое, — ответил Пятнистый Ягуар, выбирая занозы из своей лапы. — Ты уверяла, что мама учила меня как-то иначе.

— Может быть, я и уверяла, что она учила иначе, что ж такого? Если она говорила то, что ты говорил, будто я говорила, то это всё равно, как если б я сказала то, что она сказала. А если ты думаешь, что она учила тебя развернуть меня лапой, то это уже не моя вина.

— Но ведь ты же хотела, чтобы я попробовал выцарапать тебя из-под щита? — спросил Пятнистый Ягуар.

— Подумай хорошенько, тогда ты вспомнишь,

что ничего подобного не было. Я тебе говорила, что твоя мать тебе говорила, чтобы ты выцарапал меня из-под щита, — сказала Черепаха.

— Что, если я попробую? — спросил Пятнистый Ягуар, нерешительно протягивая лапу.

— Не знаю, меня ещё никогда не выцарапывали. Но если хочешь посмотреть, как я плаваю, то брось меня в воду.

— Не верю я тебе, — сказал Пятнистый Ягуар. — Ты меня сбила с толку тем, что мама говорила и что ты говорила. Теперь я сам не знаю, стою ли я на голове или на своём пёстром хвосте. Когда ты говоришь ясно, то я путаюсь ещё больше. Мама сказала мне, что одного из вас надо бросить в воду. А ты так добиваешься, чтобы я тебя бросил в воду, что, вероятно, совсем этого не хочешь. Ну так прыгай же в быструю Амазонку, да поживее!

— Предупреждаю тебя, что твоя мама будет недовольна. Не говори ей, что я тебе этого не говорила, — ответила Черепаха.

— Если ты скажешь ещё одно слово о том, что сказала моя мать, — начал Ягуар, но оборвал свою речь, так как Черепаха преспокойно нырнула в Амазонку, долго плыла под водой и наконец вышла на берег в том месте, где её ожидал Колючий Забияка.

— Насилу-то спаслись! — воскликнул Ёжик. — Не нравится мне этот Пятнистый Ягуар. Что ты ему сказала?

— Я честно призналась, что я черепаха, но он не поверил и велел мне прыгнуть в воду, чтобы посмотреть, действительно ли я черепаха. Когда он в этом убедился, то был очень удивлён. Теперь он всё расскажет своей маме. Вот послушай!

Пятнистый Ягуар рычал под деревьями на берегу быстрой Амазонки до тех пор, пока к нему не пришла его мать.

— Сынок, сынок! — несколько раз повторила мать, грациозно виляя хвостом. — Зачем ты делал то, чего не надо было делать?

— Я тронул зверька, который хотел, чтобы я его выцарапал, и занозил себе лапу, — жаловался Пятнистый Ягуар.

— Сынок, сынок! — твердила мать, грациозно виляя хвостом. — По твоим занозам я вижу, что это был ёжик. Ты должен был бросить его в воду.

— Я бросил в воду другого зверька. Он называл себя черепахой, но я не поверил, а оказывается, что это была правда. Он нырнул в быструю Амазонку и больше не вылезает, а я до сих пор ничего не ел. Пойдём лучше поищем себе другое жильё. Здесь, на берегу Амазонки, звери для меня

слишком умны.

— Сынок, сынок! — сказала мать, грациозно повиливая хвостом. — Слушай внимательно и постарайся запомнить мои слова. Ёж свёртывается клубочком, и его иглы торчат во все стороны. По этому признаку ты всегда можешь узнать ежа.

— Не нравится мне старая Ягуариха, — шепнул Колючий Забияка, спрятавшийся под тенью большого листа. — Интересно, что она ещё ему скажет.

— Черепаха не может свёртываться, — продолжала Ягуариха, грациозно повиливая хвостом. — Она только втягивает голову и ножки под щит. По этим признакам можно всегда узнать черепаху.

— Мне совсем, совсем не нравится старая Ягуариха, — заявила Медлительная Степенная Черепаха. — Даже такой остолоп, как Пятнистый Ягуар, не забудет этих указаний. Ужасно жаль, что ты не умеешь плавать, Ёжик.

— Что обо мне говорить? — возразил Ёжик. — Подумай сама, как хорошо было бы, если бы ты могла сворачиваться клубочком. Постой, что там бормочет Пятнистый Ягуар?

Пятнистый Ягуар сидел на берегу быстрой Амазонки и, вытаскивая оставшиеся ещё иглы из своей лапы, говорил нараспев:

Коль плывёт, а не свернётся,
Черепахою зовётся.
Не плывёт, зато свернётся,
Значит, Ёжиком зовётся.

— Этого он и через месяц не забудет, — сказал Колючий Забияка. — Поддержи мне голову, Черепаха. Я хочу поучиться плавать; может, пригодится!

— Отлично! — ответила Черепаха и поддерживала Ёжика, пока он барахтался в бурных волнах Амазонки.

— Из тебя выйдет хороший пловец, — сказала Черепаха. — А теперь попробуй немного распустить задние чешуи моего щита. Я попытаюсь свернуться. В жизни это может пригодиться.

Ёжик распустил Черепахе задние чешуи щита, и после неимоверных усилий ей удалось свернуться в маленький плотный комочек.

— Чудесно! — воскликнул Ёжик. — Но теперь передохни, а то ты совсем почернела от напряжения. Пожалуйста, поддержи меня ещё разок, я хочу немного поплавать.

Ёжик упражнялся в плавании, а Черепаха плыла рядом с ним и помогала ему.

— Превосходно! — воскликнула Черепаха. —

Ещё немного, и ты будешь плавать, как рыба. Теперь будь так добр, распусти мне ещё пару чешуек спереди, и я попробую свернуться таким же очаровательным клубочком, как ты. Вот удивится Пятнистый Ягуар!

— Великолепно! — сказал Ёжик, ещё весь мокрый после купания. — Уверяю тебя, что я принял бы тебя за кого-нибудь из своих. Пары чешуек довольно? Только, пожалуйста, гляди веселее и не пыхти так, а то Ягуар нас услышит. Когда ты отдохнёшь, поучи меня нырять. Вот удивится Пятнистый Ягуар!

Под руководством Черепахи Ёжик попробовал нырять.

— Отлично! — сказала Черепаха. — Старайся задерживать дыхание, и ты скоро уже сможешь лежать на дне быстрой Амазонки. Теперь я постараюсь зацепиться задними ногами за собственные уши — ты говоришь, что это очень удобно? Вот удивится Пятнистый Ягуар!

— Превосходно! — воскликнул Ёж. — Только у тебя задние чешуйки растянулись. Они уже не лежат рядом, как прежде, а находят одна на другую.

— Это всё от упражнения, — ответила Черепаха. — Я тоже замечаю, что у тебя иглы слиплись.

Ты теперь похож не на оболочку каштана, как раньше, а на еловую шишку.

— В самом деле? — сказал Ёж. — Это оттого, что я каждый раз мокну в воде. Вот удивится Пятнистый Ягуар!

Они продолжали свои упражнения, помогая друг другу, пока не наступило утро. Когда солнце взошло высоко, они отдохнули и обсохли. Тогда только они увидели, что оба совсем переменились.

— Слушай, Ёжик! — сказала Черепаха. — Я теперь не такая, как вчера. Уж подурачу я Пятнистого Ягуара!

— Я тоже об этом думаю, — сказал Колючий Забияка. — Мне кажется, что чешуя гораздо лучше защищает, чем иглы, не говоря уже о том, что с нею удобно плавать. Ну уж и удивится Пятнистый Ягуар! Давай разыщем его!

Немного погодя они нашли Пятнистого Ягуара, который всё сидел и сосал лапу, которую накануне поранил. При виде их Ягуар так удивился, что три раза перекувырнулся.

— Здравствуй! — сказал Забияка Колючий Ёжик. — Как здоровье твоей дорогой матушки?

— Спасибо, она здорова, — ответил Пятнистый Ягуар. — Но извини, пожалуйста, я не могу вспом-

нить, как тебя зовут.

— Ты, однако, забывчивый! — сказал Ёж. — Вчера в это самое время ты пробовал выцарапать меня из моего щита.

— У тебя щита не было, были только иглы, — возразил Пятнистый Ягуар. — Это я твёрдо знаю. Посмотри на мою лапу.

— Ты велел мне утопиться в быстрой Амазонке, — сказала Черепаха. — Отчего же ты сегодня такой невежливый, что не признаёшь нас?

— Разве ты не помнишь, что тебе говорила твоя мать? — продолжал Ёжик:

Коль плывёт, а не свернётся,
Значит, Ёжиком зовётся.
Не плывёт, зато свернётся,
Черепахою зовётся.

Они оба свернулись клубочками и стали кататься перед Ягуаром до тех пор, пока у него в глазах не зарябило. Тогда он побежал к своей матери.

— Мама, — сказал он, — сегодня в нашем лесу появились два новых зверька. Один, про которого ты говорила, что он не может плавать, вдруг плавает, а тот, про которого ты говорила, что он не может сворачиваться, сворачивается клубоч-

ком. И они стали одинаковыми, чешуйчатыми, а прежде один имел иглы, а другой был совершенно гладкий. К тому же они катаются вокруг меня так, что смотреть больно.

— Сынок, сынок, — сказала мать, грациозно повиливая хвостом. — Ёжик всегда останется ёжиком, а Черепаха — черепахой. Они не могут измениться.

— Нет, это не ёжик и не черепаха. Они похожи друг на друга, и я не знаю, как их зовут.

— Вздор! — воскликнула Ягуариха. — У каждого должно быть своё имя. Я назвала бы их броненосцами, пока мы не разберёмся, кто из них ёж, а кто черепаха. А впрочем, ещё лучше оставить их в покое.

Пятнистый Ягуар послушался матери; он даже рад был отвязаться от этих зверьков. Но удивительно, милые мои! С того дня и поныне на берегах бурной Амазонки никто не называет Забияку Колючего Ёжика и Медлительную Степенную Черепаху иначе как броненосцами. Ежи и черепахи водятся и в других местах (даже в моём садике), но древний их род, живший в отдалённые времена на берегах бурной Амазонки и отличавшийся свободными чешуйками, которые находили одна на другую, до сих пор носит назва-

ние броненосцев.

Так-то, милые мои!

Как краб играл с морем

В начале времён, милые мои, когда мир только устраивался, один Старый Волшебник отправился осматривать сушу и море. Всем животным он велел выйти и поиграть. Животные спросили:

— Скажи, Старый Волшебник, во что же нам играть?

А он ответил им:

— Я вам покажу.

Он взял слона, слона-всех-тогдашних-слонов, отвёл его в сторону и сказал:

— Играй в слона.

И слон-всех-тогдашних-слонов стал играть в слона.

Потом он взял бобра, бобра-всех-тогдашних-бобров, отвёл его в сторону и сказал:

— Играй в бобра.

И бобёр-всех-тогдашних-бобров стал играть в бобра.

Потом он взял корову, корову-всех-тогдашних-коров, отвёл её в сторону и сказал:

— Играй в корову.

И корова-всех-тогдашних-коров стала играть в корову.

Потом взял черепаху, черепаху-всех-тогдашних-черепах, отвёл её в сторону и сказал:

— Играй в черепаху.

И черепаха-всех-тогдашних-черепах стала играть в черепаху.

Так он перебрал всех животных, птиц и рыб и определил, во что им играть.

К вечеру, когда все сильно устали, к Старому Волшебнику пришёл Человек (со своей маленькой дочуркой, со своей любимой девочкой, которая сидела у него на плече) и спросил:

— Что это за игра, Старый Волшебник?

Старый Волшебник ответил:

— Это игра «в начало», сын Адама, но ты для неё слишком умён.

Человек поклонился и сказал:

— Да, я слишком умён для этой игры, но, послушай, устрой так, чтобы все живые существа мне повиновались.

В то время как они разговаривали, краб (морской рак), по имени Пау Амма, стоявший на

очереди в игре, бросился в сторону и сполз в море, мысленно рассуждая:

«Я сам выдумаю себе игру в глубине морской и никогда не буду повиноваться этому сыну Адама».

Никто не видел, как он удрал, кроме маленькой девочки, которая сидела на плече Человека. Игра продолжалась до тех пор, пока каждому из зверей не были даны указания. Тогда Старый Волшебник вытер руки и пошёл посмотреть, хорошо ли играют звери.

Он пошёл на север, милые мои, и раньше всего увидел, что слон-всех-тогдашних-слонов разрывал клыками и топтал ногами новенькую с иголочки землю.

– *Кун?* — спросил слон-всех-тогдашних-слонов, что значит: хорошо?

– *Паях кун,* — ответил Старый Волшебник, что значит: очень хорошо.

Он дохнул на кучки земли, вырытой слоном-всех-тогдашних-слонов, и они превратились в великие Гималайские горы, которые вы можете найти на карте.

Потом Старый Волшебник отправился на восток и увидел корову-всех-тогдашних-коров, которая паслась на приготовленном для неё лугу.

Она прогулялась к ближайшему лесу и вылизала его языком, а теперь спокойно пережёвывала жвачку.

– *Кун?* — спросила корова-всех-тогдашних-коров.

– *Паях кун,* — ответил Старый Волшебник.

Он дохнул на обглоданный лес и на то место, где лежала корова, и получились Великая Индийская пустыня и Сахара[12]. Вы можете найти их на карте.

Пошёл Старый Волшебник на запад и увидел бобра-всех-тогдашних бобров. Он строил бобровые плотины в устьях широких рек, приготовленных для него.

– *Кун?* — спросил бобёр-всех-тогдашних-бобров.

– *Паях кун,* — ответил Старый Волшебник.

Он дохнул на упавшие стволы деревьев и на тихие воды, и получились девственные леса Флориды [13]. Вы можете найти их на карте.

Далее пошёл Старый Волшебник на юг и увидел черепаху-всех-тогдашних-черепах, которая рылась в песке, приготовленном для неё. Песчин-

---

[12] Примечания: 12

Саха2ра — это пустыня в Африке.

[13] Примечания: 13

Флори2да — полуостров на юго-востоке Северной Америки.

ки и камешки летели во все стороны и падали прямо в море.

– *Кун?* — спросила черепаха-всех-тогдашних-черепах.

– *Паях кун,* — ответил Старый Волшебник.

Он дохнул на песчинки и камешки, упавшие в море, и они превратились в группу островов: Борнео, Целебес, Суматру, Яву и другие, или, иначе, в Малайский архипелаг. Вы можете найти его на карте, милые мои.

Случайно, на берегу реки Перак, Старый Волшебник встретил Человека и спросил его:

— Скажи, сын Адама, все ли животные повинуются тебе?

— Все, — ответил Человек.

— А земля повинуется тебе?

— Да.

— А море повинуется тебе?

— Нет, — ответил Человек. — Раз днём и другой раз ночью море набегает на реку Перак и гонит пресную воду в глубину леса, а вода заливает моё жилище. Раз днём и другой раз ночью море отступает назад и забирает с собою всю воду реки. На дне её остаётся только грязь, и тогда моя лодка садится на мель. Не ты ли научил море такой игре?

— Вовсе нет, — ответил Старый Волшебник. —

Это какая-то новая и притом нехорошая игра.

— Посмотри! — воскликнул Человек.

В эту минуту море подкатилось к устью реки Перак и отогнало назад воду, которая вышла из берегов и затопила лес на далёкое пространство, добравшись даже до жилища Человека.

— Тут что-то неладно. Спусти-ка свою лодку. Поедем и посмотрим, кто там играет с морем, — сказал Старый Волшебник.

Они сели в лодку. С ними поехала и маленькая девочка. Человек захватил свой *крис* — кривой, изогнутый кинжал с острым лезвием, и они отправились по реке Перак. Море только начало отступать, и лодка проскочила из устья реки Перак мимо Селангора, Малакки, Сингапура и острова Бинтанг с такой быстротой, словно её кто-то тянул за верёвку.

Старый Волшебник встал и крикнул:

— Эй вы, звери, птицы и рыбы, которых я учил каждого своей игре, кто из вас играет с морем?

Все звери, птицы и рыбы в один голос ответили:

— Старый Волшебник, мы играем в те игры, которым ты нас научил, и не только мы сами, но даже дети-наших-детей. Никто из нас не играет с морем.

В это время над водою взошла полная, круглая луна. Волшебник спросил у горбатого старика, который сидит на луне и плетёт невод, надеясь когда-нибудь поймать им весь мир.

— Эй, рыбак с луны, это ты балуешься с морем?

— Нет, — ответил рыбак. — Я плету невод, которым надеюсь когда-нибудь поймать весь мир. А с морем я и не думаю баловаться.

Потом показалась на луне крыса, которая всегда перегрызает невод старого рыбака, когда он уже почти готов. Старый Волшебник спросил её:

— Эй, крыса с луны, это ты играешь с морем?

Крыса ответила:

— У меня и без того много дела. Видишь, я перегрызаю невод, который плетёт этот старый рыбак. Я не играю с морем.

И она продолжала грызть невод.

Тогда маленькая девочка протянула свои пухлые смуглые ручонки, украшенные браслетами из великолепных белых раковин, и сказала:

— О, Старый Волшебник! Когда в самом начале мира ты разговаривал с моим отцом, а я сидела у него на плечах, звери приходили к тебе и ты учил их играть. Но один зверь самовольно ушёл в море, не дождавшись, чтобы ты показал ему игру.

Старый Волшебник сказал:

— Вот умная девочка, видела и молчала. Какой из себя был этот зверь?

— Круглый и плоский. Глаза у него на подставочках, ходит он бочком, а на спине носит панцирь.

Старый Волшебник сказал:

— Вот умная девочка, говорит правду. Теперь я знаю, куда девался Пау Амма. Дай-ка мне весло.

Он взял весло, но грести не пришлось. Лодка сама плыла по течению мимо островов, пока не доплыла до места, которое называется Пусат-Тасек — сердце моря. Там в углублении есть Чудесное Дерево Паух Янгги, на котором растут волшебные орехи-двоешки. Старый Волшебник погрузил руку до самого плеча в тёплую воду и под корнями Чудесного Дерева нащупал широкую спину краба. От его прикосновения Пау Амма зашевелился, и всё море поднялось подобно тому, как поднимается вода в сосуде, если туда опустить руку.

— Ага! — воскликнул Старый Волшебник. — Теперь я знаю, кто играет с морем.

И он громко спросил:

— Что ты там делаешь, Пау Амма?

Пау Амма, сидя глубоко под водою, ответил:

— Один раз днём и один раз ночью я выхожу

искать себе пропитание. Один раз днём и один раз ночью я возвращаюсь домой. Оставь меня в покое.

Но Старый Волшебник сказал:

— Послушай, Пау Амма, когда ты выходишь из норки, то вся вода моря вливается в Пусат-Тасек, а берега всех островов обнажаются. Маленькие рыбки от этого умирают, а раджа Моянг Кабан, король слонов, пачкает себе ноги в грязи. Когда ты возвращаешься в Пусат-Тасек и усаживаешься на место, то вода в море поднимается, затопляет добрую половину маленьких островов и заливает дом Человека, а раджа Абдуллах, король крокодилов, захлёбывается солёной водой.

Пау Амма, сидя глубоко в воде, ответил:

— Я не знал, что это так серьёзно. Теперь я буду выходить семь раз в день, чтобы вода всегда была в движении.

Старый Волшебник сказал:

— Я не могу заставить тебя играть в ту игру, Пау Амма, которая была для тебя предназначена, потому что ты с самого начала убежал от меня. Но если не боишься, то выйди на минутку, мы об этом поговорим.

— Ничего я не боюсь, — ответил Пау Амма и показался на поверхности моря, залитой лунным

светом.

В мире не было другого такого огромного зверя, как Пау Амма, потому что он был не простой краб, а царь всех крабов. Одной стороной панциря он коснулся берега в Сараваке, а другой стороною — берега в Паханге.

Ростом он был больше, чем дым от трёх вулканов. Когда он карабкался по ветвям Чудесного Дерева, то оторвал один из волшебных орехов-двоешек, которые возвращают людям молодость. Девочка заметила, что орех плывёт рядом с лодкой, выловила его и попробовала расколоть своими золотыми ножничками.

— Ну теперь, Пау Амма, поколдуй, — предложил Старый Волшебник. — Покажи нам своё могущество.

Пау Амма вращал глазами и потрясал ножками, но только взбаламутил море. Сделать он ничего не мог, потому что был не более как крабом, хотя и царём крабов. Старый Волшебник засмеялся.

— Могущества что-то не видно, Пау Амма, — сказал он. — Давай-ка теперь я попробую.

Он шевельнул рукой, даже не всей рукой, а только мизинцем левой руки, — и вдруг, представьте себе, милые мои, твёрдый синевато-зелёный панцирь отвалился со спины краба, как ореховая

скорлупа, а сам Пау Амма сделался мягким и нежным, как молоденькие крабы, которых иногда можно видеть на морском берегу.

— Куда ж девалось всё твоё могущество? — спросил Старый Волшебник. — Не сказать ли мне Человеку, чтобы он разрезал тебя своим *крисом?* Не потребовать ли, чтобы раджа Моянг Кабан, царь слонов, проколол тебя своими клыками или чтобы раджа Абдуллах, царь крокодилов, перекусил тебя пополам?

Пау Амма ответил:

— Мне стыдно! Отдай мне назад мой панцирь и отпусти меня в Пусат-Тасек. Я буду выходить только раз в день и один раз ночью за пищей.

Старый Волшебник сказал:

— Нет, Пау Амма, я не отдам тебе твоего панциря, потому что ты будешь расти и набираться сил и, пожалуй, возгордишься до того, что, забыв обещание, опять начнёшь играть с морем.

Пау Амма сказал на это:

— Что же мне делать? Я так велик, что могу спрятаться только в Пусат-Тасек, а если я без панциря пойду в другое место, то меня съедят акулы. Если же я в таком виде спущусь в Пусат-Тасек, то там я хоть и буду цел, но не смогу достать себе пищи и умру с голоду.

Он жалобно махал ножками и стонал.

— Слушай, Пау Амма, — сказал Старый Волшебник. — Я не могу заставить тебя играть в ту игру, для которой ты был предназначен, потому что ты с самого начала убежал от меня. Но если хочешь, я сделаю так, чтобы каждый камень, каждая ямка, каждый пучок водорослей в море был для тебя и твоих детей не менее надёжным убежищем, чем Пусат-Тасек.

Пау Амма сказал:

— Хорошо, но я сразу не могу решиться. Видишь, вот Человек, который тогда разговаривал с тобою. Если б он не отвлёк твоего внимания, мне не надоело бы дожидаться, я не убежал бы в море и беды со мною не случилось бы. Что же он для меня сделает?

Человек сказал:

— Если хочешь, я сделаю, чтобы тебе и твоим детям жилось одинаково хорошо и в воде, и на суше. Ты найдёшь приют и тут, и там.

Пау Амма сказал:

— Я ещё не могу решиться. Видишь, вот девочка, которая видела, как я убегал. Если бы она тогда же об этом сказала, Волшебник позвал бы меня назад и беды со мною не случилось бы. Что же она для меня сделает?

Маленькая девочка сказала:

— Я сейчас ем вкусный орех. Если хочешь, я отдам тебе свои острые старые ножницы, которыми я его расколола. Тогда ты со своими детьми, выйдя на берег, сможешь целый день кушать кокосовые орехи. Можешь также ножницами вырыть себе новый Пусат-Тасек, если на том месте не будет камней. А если земля окажется очень твёрдой, то те же ножницы помогут тебе взобраться на дерево.

Пау Амма сказал:

— Я ещё не могу решиться. Пока тело у меня мягкое, всё это мне без надобности. Верни мне мой панцирь, Старый Волшебник, и тогда я буду играть в твою игру.

Старый Волшебник сказал:

— Я тебе его возвращу, но лишь на одиннадцать месяцев в году. На двенадцатый месяц он всегда будет делаться мягким, чтобы напомнить тебе и твоим детям, как я умею колдовать. Это тебе не даст возгордиться, Пау Амма. Я боюсь, что иначе, странствуя по морю и по суше, ты сделаешься заносчивым, а если вдобавок будешь лазить по деревьям, щёлкать орехи и рыть ямки ножницами, то сделаешься слишком жадным.

Пау Амма подумал немного и сказал:

— Я решаюсь и принимаю ваши дары.

Тогда Старый Волшебник двинул правой рукой, всеми пятью пальцами правой руки. И вдруг, милые мои, Пау Амма стал уменьшаться, уменьшаться, пока не превратился в маленького зеленоватого краба, который плыл рядом с лодкой и кричал тоненьким голосом:

— Дайте мне ножницы!

Девочка схватила его рукою, положила на дно лодки и дала ему ножницы. Он стал размахивать ими в воздухе, открывать, закрывать, постукивать, приговаривая:

— Я могу раскалывать орехи! Я могу раскалывать раковины! Я могу рыть ямки! Я могу лазить на деревья! Я могу дышать и на суше! Я могу найти себе безопасный Пусат-Тасек и под каждым камнем! Вот не знал, что я такой важный! *Кун?*

– *Паях кун,* — со смехом ответил Старый Волшебник. А маленький Пау Амма через борт лодки бросился в море. Он был теперь так мал, что мог бы скрыться под тенью сухого листа на суше или под раковинкой на дне морском.

— Хорошо это? — спросил Старый Волшебник.

— Да, — ответил Человек. — Но теперь мы должны возвратиться в Перак, и грести всю дорогу будет трудненько. Если бы мы подождали,

пока Пау Амма выйдет из своего убежища и затем опять спрячется в Пусат-Тасек, то вода сама донесла бы нас до дому.

— Ты очень ленив, — сказал Старый Волшебник. — И дети твои тоже будут ленивы. Это будут самые ленивые люди на свете. Их даже назовут малайцами, то есть лентяями.

Он поднял палец к луне и сказал:

— Эй, рыбак! Здесь есть Человек, который ленится грести домой. Дотащи его лодку своим неводом.

— Нет, — возразил Человек. — Если уж мне суждено быть ленивым до конца жизни, то пусть море два раза в сутки работает на меня. Тогда мне не придётся грести.

Старый Волшебник засмеялся и сказал:

– *Паях кун!*

Крыса на луне перестала грызть невод, а рыбак спустил его до самого моря и потянул всю глубокую воду мимо острова Бинтанга, мимо Сингапура, мимо Малакки, мимо Селангора, пока лодка опять не вошла в устье реки Перак.

– *Кун?* — спросил рыбак с луны.

– *Паях кун,* — ответил Старый Волшебник. — Отныне не забывай два раза в день и два раза в ночь тащить море, чтобы ленивому малайцу

не нужно было грести. Да смотри, не слишком усердствуй, а то и тебе от меня достанется.

Они возвратились по домам и легли спать, милые мои.

Теперь слушайте внимательно!

С того самого дня и поныне луна всегда толкает море взад и вперёд и производит так называемый прилив и отлив. Иногда рыбак поусердствует и так поднимет воду, что получается разлив. Иногда же он недостаточно её поднимет, и она стоит низко. Но большею частью он всё-таки работает исправно, потому что боится Старого Волшебника.

А Пау Амма? Если вы пойдёте на берег, милые мои, то можете увидеть, как его дети роют себе маленький Пусат-Тасек под каждым камешком, под каждой былинкой на песчаной отмели. Вы увидите, как они размахивают своими маленькими ножницами, а в некоторых странах они живут на суше и карабкаются по пальмам, чтобы кушать кокосовые орехи, как это им обещала дочь Человека. Но раз в году все крабы теряют свой твёрдый панцирь, и кожа у них делается мягкой. Тогда они вспоминают о могуществе Старого Волшебника. Как бы то ни было, не следует охотиться за молоденькими крабами и убивать

их на том только основании, что старый Пау Амма в своё время вёл себя нехорошо.

Да! Дети Пау Амма ужасно не любят, когда их вытаскивают из их маленьких Пусат-Тасеков и приносят домой в стеклянных баночках. Вот почему они стараются зацепить своими клешнями-ножницами тех, кто их ловит. И поделом!

Как кот гулял, где ему вздумается

Слушайте внимательно, милые мои! То, что я расскажу вам, случилось давным-давно, когда человек ещё не приручил животных и все они были дикими. Собака была дикая, лошадь была дикая, корова была дикая, овца была дикая, свинья была дикая, и эти дикие животные бродили по сырому дикому лесу. Но самым диким из них был кот. Он гулял один, где ему вздумается, и место для него не имело значения.

Разумеется, и человек тоже был диким, совсем диким. Он даже не пытался совершенствоваться, пока не встретил женщину, которая ему сказала, что ей вовсе не нравится такая дикая жизнь. Она разыскала хорошую сухую пещеру, где можно было поселиться, чтоб не ночевать под открытым небом на куче сырых листьев. Пол пещеры она посыпала чистым песком, устроила очаг и

развела на нём огонь. Затем она завесила вход в пещеру сухой конской шкурой хвостом вниз и сказала человеку:

— Вытирай ноги, голубчик, когда входишь. Мы заведём у себя порядок.

В тот день, милые мои, они ели мясо дикой овцы, зажаренное на горячих каменьях и приправленное диким чесноком и диким перцем; дикую утку, фаршированную диким рисом и дикими кореньями; мозговые кости дикого быка; дикие вишни и дикие гранаты. Плотно пообедав, человек лёг спать около огня и чувствовал себя счастливым. Женщина ещё сидела и расчёсывала волосы. Потом она взяла большую плоскую кость от бараньей лопатки и стала её разглядывать. Подбросив топлива в огонь, она принялась колдовать, и это было первое в мире колдовство.

Все дикие животные вышли из сырого дикого леса и, собравшись в кучку, издали поглядывали на огонь, недоумевая, что это за штука.

Дикая лошадь топнула своим диким копытом и сказала:

— О друзья мои и враги мои! Зачем мужчина и женщина зажгли такой яркий свет в пещере и не будет ли нам от этого беды?

Дикая собака потянула воздух своим диким но-

сом и, почуяв запах жареной баранины, сказала:

— Пойду-ка я посмотрю. Кажется, там что-то вкусное. Кот, пойдём со мной!

— Нет! — ответил кот. — Я привык гулять один, где мне вздумается, и с тобой не пойду.

— В таком случае нашей дружбе конец, — сказала дикая собака и направилась к пещере.

Не успела она отойти на несколько шагов, как кот подумал:

«Мне ведь всё равно, где гулять. Отчего бы мне тоже не пойти посмотреть? А уйду я оттуда, когда мне вздумается».

Он неслышными шагами прокрался вслед за собакой и так притаился, что мог всё слышать.

Когда дикая собака добралась до входа в пещеру, то отодвинула мордой сухую конскую шкуру и стала вдыхать чудный запах жареной баранины. Женщина, разглядывавшая баранью лопатку, услышала, как она подошла, и тогда сказала со смехом:

— Ага, вот первый. Что тебе нужно, дикий зверь из дикого леса?

Дикая собака ответила:

— О мой враг и жена моего врага, что это так вкусно пахнет в диком лесу?

Женщина бросила дикой собаке жареную бара-

нью кость и сказала:

— Дикий зверь из дикого леса, возьми и попробуй!

Дикая собака принялась грызть кость, которая оказалась вкуснее всего того, что ей когда-либо приходилось есть. Покончив с костью, она сказала:

— О мой враг и жена моего врага, дай ещё!

Женщина ответила:

— Дикий зверь из дикого леса, помогай моему мужу охотиться днём, а ночью стереги пещеру, тогда я буду давать тебе сколько угодно костей.

— А, вот что! — сказал кот, подслушавший весь разговор. — Умная женщина, спору нет, но я ещё умнее.

Дикая собака вползла в пещеру, положила голову на колени женщине и сказала:

— О мой друг и жена моего друга, я обещаю днём помогать твоему мужу на охоте, а ночью стеречь пещеру.

«Ну и глупая же собака!» — сказал про себя кот, услышав такие речи.

Он ушёл обратно в сырой дикий лес, помахивая своим диким хвостом и гуляя по диким тропинкам, но никому ничего не сказал.

Проснувшись, мужчина спросил:

— Что здесь нужно дикой собаке?

Женщина ответила:

— Теперь это уже не дикая собака, а наш лучший друг. Она будет нашим другом всегда, всегда, всегда. Возьми её с собою, когда пойдёшь на охоту.

На следующий день женщина нарезала несколько охапок свежей душистой травы с пойменного луга и высушила её у огня, так что она благоухала, как недавно скошенное сено. Потом она села у входа в пещеру, нарезала ремней из конской шкуры и сплела недоуздок. Всё время она смотрела на баранью лопатку и колдовала. Это было второе в мире колдовство.

А в диком лесу все дикие звери недоумевали, что случилось с дикой собакой. Наконец дикая лошадь топнула ногой и сказала:

— Пойду посмотрю, отчего не возвращается дикая собака. Кот, пойдём со мной!

— Нет, — ответил кот. — Я гуляю один, где мне вздумается, и хожу, куда сам захочу. Не пойду я с тобой.

Тем не менее он тихонько прокрался за дикой лошадью и притаился, чтобы не пропустить ни слова.

Когда женщина услыхала топот дикой лошади,

которая зацепилась своей длинной гривой, то засмеялась и сказала:

— Вот и второй. Дикий зверь из дикого леса, что тебе нужно?

Дикая лошадь сказала:

— О мой враг и жена моего врага, где дикая собака?

Женщина опять засмеялась и, взглянув на баранью лопатку, сказала:

— Дикий зверь из дикого леса, ты сюда пришёл не ради дикой собаки, а ради этой сочной травы.

Дикая лошадь, спотыкаясь и цепляясь своей длинной гривой, призналась:

— Правда твоя. Дай мне травы.

Женщина сказала:

— Дикий зверь из дикого леса, нагни свою дикую голову и надень то, что я тебе приготовила. Тогда ты будешь получать чудную траву три раза в день.

— А! — сказал кот, подслушавший весь разговор. — Умная женщина, спору нет, а я всё-таки умнее.

Дикая лошадь нагнула свою дикую голову, и женщина надела на неё плетёный недоуздок. Тяжело переводя дух, дикая лошадь сказала:

— О моя госпожа и жена моего господина! Я

буду тебе служить ради этой чудной травы.

— Ага, вот что! — сказал кот, подслушавший весь разговор. — Ну и глупа же лошадь.

Он вернулся назад в сырой дикий лес, помахивая своим диким хвостом и гуляя по диким тропинкам, но никому ничего не сказал.

Когда мужчина и собака пришли с охоты, то мужчина спросил:

— Что здесь нужно дикой лошади?

Женщина ответила:

— Теперь это уж не дикая лошадь, а наш первый слуга. Она будет перевозить нас с места на место всегда, всегда, всегда! Поезжай на ней верхом, когда отправишься на охоту.

На другой день и дикая корова, задрав вверх свою дикую голову, чтобы не зацепиться своими дикими рогами за дикие деревья, пошла к пещере. За нею отправился кот и спрятался, как и в оба предыдущих раза. Всё случилось так, как и раньше. Дикая корова обещала женщине отдавать своё молоко в обмен на чудную траву, а кот вернулся в сырой дикий лес, помахивая своим диким хвостом и гуляя по диким тропинкам, как бывало и прежде, но никому ничего не сказал. Когда человек, лошадь и собака возвратились домой с охоты и задали обычные вопросы, то

женщина ответила:

— Теперь это уже не дикая корова, а наша кормилица. Она будет давать нам тёплое белое молоко всегда, всегда, всегда! И пока ты будешь ходить на охоту с первым другом и первым слугой, я буду заботиться о ней.

На другой день кот притаился и высматривал, не пройдёт ли ещё кто-нибудь из диких зверей к пещере, но никто не вышел из сырого дикого леса, и кот один прогуливался в этой стороне. Он увидел, как женщина подоила корову, видел, как горел огонёк внутри пещеры, и чуял запах тёплого белого молока. Приблизившись, он спросил:

— О мой враг и жена моего врага! Куда девалась дикая корова?

Женщина засмеялась и сказала:

— Дикий зверь из дикого леса, ступай назад, откуда пришёл. Я уже заплела волосы и спрятала волшебную баранью лопатку. Нам в пещере больше не нужно ни друзей, ни слуг.

Кот ответил:

— Я не друг и не слуга. Я кот, который гуляет один, где ему вздумается. Теперь мне вздумалось прийти к вам в пещеру.

Женщина сказала:

— Отчего же ты не пришёл в первый вечер с

первым другом?

Кот очень рассердился и спросил:

— Разве дикая собака уже что-нибудь наговорила тебе про меня?

Женщина засмеялась и ответила:

— Ты гуляешь один, где тебе вздумается, и место для тебя не имеет значения. Ты нам не друг и не слуга, как ты сам сказал. Ну и ступай, гуляй, где знаешь.

Кот прикинулся огорчённым и сказал:

— Неужели я никогда не войду в пещеру? Неужели я никогда не буду греться у огня? Неужели я никогда не буду пить тёплого белого молока? Ты очень умная и очень красивая женщина. Ты не должна быть жестокой даже к коту.

Женщина сказала:

— Я знала, что я умна, но не знала, что я красива. Давай заключим договор. Если я когда-нибудь хоть раз тебя похвалю, то ты можешь войти в пещеру.

— А если два раза? — спросил кот.

— Вряд ли это случится, — ответила женщина. — Но если я два раза тебя похвалю, то ты можешь греться в пещере.

— А если похвалишь три раза? — спросил кот.

— Вряд ли это случится, — ответила женщи-

на. — Но если я три раза тебя похвалю, то ты можешь три раза в день пить тёплое белое молоко всегда, всегда, всегда!

Кот выгнул спину и сказал:

— Пусть же шкура, завешивающая вход в пещеру, и очаг в глубине пещеры, и крынки молока на очаге будут свидетелями того, что сказала жена моего врага.

Он ушёл обратно в сырой дикий лес, помахивая своим диким хвостом и гуляя по диким тропинкам.

Вечером, когда мужчина, лошадь и собака вернулись с охоты, женщина не рассказала им о своём договоре, так как опасалась, что они его не одобрят.

Кот до тех пор гулял в сыром диком лесу, пока женщина совершенно не забыла про него. Только маленькая летучая мышь, свешивавшаяся головою вниз с потолка пещеры, знала, где скрывается кот. Каждый вечер летучая мышь летала к нему и рассказывала все новости. Однажды летучая мышь сообщила:

— В пещере появился маленький ребёнок. Он совсем новенький, розовый, пухленький. И женщина его очень любит.

— Ага! — сказал кот, навострив уши. — А что

любит ребёнок?

— Он любит всё мягкое, пушистое, — ответила летучая мышь. — Он любит, засыпая, держать в ручонках что-нибудь тёплое. Он любит, чтоб с ним играли.

— Ага! — сказал кот, навострив уши. — Теперь наступило моё время.

Вечером кот прошёл через сырой дикий лес и спрятался около пещеры. На рассвете мужчина с собакой и лошадью отправился на охоту. Женщина была занята стряпнёй, а ребёнок всё время кричал и отрывал её от дела. Женщина попробовала вынести его из пещеры. Она положила его на земле и, чтобы занять его, дала ему горсть камешков.

Однако ребёнок не унимался.

Тогда кот вышел из засады и стал гладить ребёнка по щеке своей бархатной лапкой. Кот тёрся об его пухлые ножки и щекотал ему шейку хвостом. Ребёнок засмеялся. Женщина услышала его смех и улыбнулась. Маленькая летучая мышь, прицепившаяся у входа в пещеру, сказала:

— О моя хозяйка, жена моего хозяина и мать сына моего хозяина! Дикий зверь из дикого леса прекрасно играет с твоим ребёнком.

— Спасибо этому дикому зверю, кто бы он ни

был, — ответила женщина, не отрываясь от работы. — Я сегодня очень занята, и он мне оказал большую услугу.

В ту же минуту, в ту же секунду, милые мои, — хлоп! — конская шкура, повешенная хвостом вниз у входа в пещеру, с шумом упала, так как она была свидетельницей договора между женщиной и котом. Пока женщина поднимала её, кот успел прошмыгнуть в пещеру.

— Вот и я, враг мой, жена моего врага и мать моего врага! — сказал кот. — Ты меня похвалила, и теперь я могу сидеть в пещере всегда, всегда, всегда! А всё же я кот, который гуляет, где ему вздумается.

Женщина очень рассердилась, крепко стиснула губы, взяла свою прялку и села прясть. А ребёнок плакал, потому что кот ушёл. Мать никак не могла его успокоить. Он барахтался, дрыгал ножками и весь посинел от крика.

— О мой враг, жена моего врага и мать моего врага! — сказал кот. — Возьми нитку своей пряжи, привяжи её к веретену и потащи по полу. Я покажу тебе колдовство, от которого твой ребёнок засмеётся так же громко, как теперь плачет.

— Я это сделаю потому, что уж не знаю, как унять ребёнка, — сказала женщина, — но тебя-то

я, конечно, не поблагодарю.

Она привязала нитку к маленькому глиняному веретену и потащила его по полу, а кот бежал за ним, подбрасывая его лапками, кувыркался, закидывал его на спину, ложился на него, делал вид, что потерял, и потом опять ловил его, пока ребёнок не стал хохотать так же громко, как прежде плакал. Он пополз за котом и катался с ним по пещере, а когда устал, то задремал, обхватив кота ручонками.

— Теперь, — сказал кот, — я спою ребёнку песенку, чтоб он спал часок-другой.

И он стал мурлыкать тихо и громко, громко и тихо, пока ребёнок не уснул крепким сном. Женщина, улыбаясь, смотрела на них обоих и наконец сказала:

— Вот так прелесть. Да ты молодец, кот!

В ту же минуту, в ту же секунду, милые мои, — пуфф! — дым от очага стал клубиться по пещере, так как он был свидетелем договора между женщиной и котом. Когда дым рассеялся, то оказалось, что кот с удобством расположился у огня.

— Вот и я, враг мой, жена моего врага и мать моего врага! Ты во второй раз похвалила меня. Теперь я могу греться у огня в пещере всегда, всегда, всегда! А всё-таки я кот, который гуляет,

где ему вздумается.

Женщина очень-очень рассердилась, распустила волосы, подбросила топлива в огонь, достала широкую кость от бараньей лопатки и стала колдовать, чтобы как-нибудь не похвалить кота в третий раз. Это было колдовство без пения, милые мои, молчаливое колдовство. Мало-помалу в пещере наступила такая тишина, что маленькая мышка решилась выползти из своей норки в углу и пробежать по полу.

— О мой враг, жена моего врага и мать моего врага! Неужели ты своим колдовством вызвала эту мышку? — спросил кот.

— Конечно, нет. Ай-ай-ай! — воскликнула женщина, роняя кость и поспешно заплетая косы, чтобы мышь как-нибудь не взбежала по ним.

— А что, если я съем мышь? — сказал кот, внимательно наблюдавший за нею. — Мне от этого не будет вреда?

— Нет, — ответила женщина, заплетая косу. — Ешь скорее. Я тебе буду очень благодарна.

Кот одним прыжком поймал мышь, и женщина сказала:

— Тысячу раз благодарю тебя. Даже наш первый друг не так проворен, чтобы ловить мышей. Вероятно, ты очень умён.

В ту же минуту, в ту же секунду, милые мои, — трах! — крынка молока, стоявшая на очаге, раскололась пополам, так как она была свидетельницей договора между женщиной и котом. Когда женщина вскочила со скамейки, на которой сидела, кот уже лакал тёплое белое молоко, оставшееся в одном из черепков.

— Вот и я, враг мой, жена моего врага и мать моего врага! — сказал кот. — Ты три раза похвалила меня. Теперь я могу три раза в день пить тёплое белое молоко всегда, всегда, всегда! А всё-таки я кот, который гуляет, где ему вздумается.

Женщина засмеялась и поставила перед котом чашку тёплого белого молока. При этом она сказала:

— О кот, ты умён, как человек, но всё-таки помни, что договор ты заключал только со мной, и я не знаю, как к нему отнесутся мужчина и собака, когда возвратятся домой.

— А мне что за дело? — сказал кот. — Раз я могу сидеть в пещере у огня и трижды в день получать тёплое белое молоко, то мне совершенно безразлично, что скажут мужчина или собака.

Вечером, когда мужчина и собака возвратились в пещеру, женщина рассказала им о своём договоре, а кот, сидя у огня, ухмылялся. Мужчина

сказал:

— Прекрасно, но он не заключал договора со мною и с другими людьми, которые будут жить после меня.

Затем человек снял свои кожаные сапоги, положил свой каменный топорик, принёс полено и секиру[14] (всего пять предметов) и, разместив их в один ряд, сказал:

— Теперь мы заключим с тобою договор. Если ты не будешь ловить мышей в пещере всегда, всегда, всегда, то я буду бросать в тебя эти пять предметов, как только тебя завижу. То же самое будут делать все мужчины после меня.

— Ах! — воскликнула женщина. — Какой умный этот кот, но мой муж всё-таки умнее.

Кот осмотрел все пять предметов (они выглядели довольно опасными) и сказал:

— Я буду ловить мышей в пещере всегда, всегда, всегда! А всё-таки я кот, который гуляет, где ему вздумается.

— Только не тогда, когда я близко, — возразил человек. — Если б ты не сказал последних слов, то я убрал бы эти вещи навсегда, навсегда, навсегда! А теперь я буду бросать в тебя сапоги и

---

[14] Примечания: 14

Секи2ра — топор с лезвием в виде полумесяца.

топорик (всего три предмета), как только встречусь с тобой. И так будут делать все мужчины после меня.

Затем собака сказала:

— Постой! Ты ещё не заключал договора со мною и со всеми собаками, которые будут жить после меня.

Оскалив зубы, она продолжала:

— Если ты не будешь ласков с ребёнком, пока я в пещере, всегда, всегда, всегда, то я буду гоняться за тобою и поймаю тебя, а когда поймаю — укушу. И так будут делать все собаки после меня.

— Ах! — воскликнула женщина. — Какой умный этот кот, но собака умнее его.

Кот сосчитал зубы собаки (они выглядели очень острыми) и сказал:

— Я буду ласков с ребёнком всегда, всегда, всегда, если он не будет слишком сильно тянуть меня за хвост. А всё-таки я кот, который гуляет, где ему вздумается.

— Только не тогда, когда я близко, — возразила собака. — Если б ты не сказал последних слов, то я закрыла бы свою пасть навсегда, навсегда, навсегда, а теперь я буду загонять тебя на дерево, как только встречусь с тобою. И так будут делать все собаки после меня.

Человек бросил в кота свои сапоги и каменный топорик (всего три предмета), и кот выбежал из пещеры, а собака загнала его на дерево. С того дня и поныне, милые мои, из пяти мужчин трое всегда бросают в кота что попадётся под руку и все собаки загоняют его на дерево. Он ловит мышей и ласково обращается с детьми, если они не слишком сильно тянут его за хвост. Но, исполнив свои обязанности, в свободное время, особенно когда настают лунные ночи, кот уходит и гуляет один, где ему вздумается. Он лазит по влажным диким деревьям или по влажным диким крышам, а не то отправляется в сырой дикий лес и, помахивая своим диким хвостом, бродит по диким тропинкам.

Как мотылёк топнул ногой

Теперь, милые мои, я расскажу вам новенькую сказку, непохожую на прежние, сказку о мудром Сулейман-бен-Дауде.

О нём уже раньше сложили триста пятьдесят пять сказок, но моя сказка не из их числа. Это не сказка про пигалицу, которая нашла себе воду, или про потатуйку, которая своими крыльями защитила Сулеймана от зноя. Это не сказка про стеклянную мостовую, или про рубин с извилистым отверстием, или про золотые ворота султанши Балкис. Это сказка о том, как мотылёк топнул ногой.

Ну, теперь слушайте внимательно!

Сулейман-бен-Дауд отличался необыкновенной мудростью. Он понимал, что говорили звери, что говорили птицы, что говорили рыбы, что говорили насекомые. Он понимал, что говорили скалы глубоко под землёю, когда сталкивались

друг с другом и глухо стонали.

Он понимал, что говорили деревья, когда утром шелестела их листва. Он понимал всё-всё на свете. А красавица Балкис, главная султанша, почти не уступала ему в мудрости.

Сулейман-бен-Дауд отличался могуществом. На третьем пальце правой руки он носил кольцо. Если он поворачивал это кольцо один раз, то к нему слетались подземные духи, готовые исполнить все его приказания. Если он поворачивал кольцо два раза, то к нему слетались небесные феи, готовые исполнить все его приказания. Если он поворачивал кольцо три раза, то перед ним являлся сам великий Азраэль с мечом и докладывал ему обо всём, что происходило в трёх мирах — внизу, вверху и здесь.

Однако Сулейман-бен-Дауд не был гордецом. Он очень редко выставлял себя напоказ, а если это случалось, то потом всегда раскаивался. Однажды он вздумал накормить сразу всех животных в мире. Но когда корм был заготовлен, из пучины морской появился зверь, который всё сожрал в три глотка. Сулейман-бен-Дауд изумился и спросил:

— Скажи, зверь, кто ты?

Зверь ответил ему:

— О повелитель, да продлится жизнь твоя во веки веков! Я самый маленький из тридцати тысяч братьев, а живём мы на дне морском. До нас дошёл слух, что ты собираешься накормить зверей со всего мира, и братья послали меня спросить, когда будет готов обед.

Сулейман-бен-Дауд изумился ещё больше и сказал:

— О зверь! Ты уничтожил обед, который я приготовил для всех зверей в мире.

Зверь ответил:

— О царь, да продолжится жизнь твоя во веки веков! Неужели ты это называешь обедом? Там, где я живу, каждый из нас на закуску съедает вдвое больше.

Тогда Сулейман-бен-Дауд пал ниц и сказал:

— О зверь! Я хотел устроить обед, чтобы похвастаться, какой я великий и богатый царь, а вовсе не потому, чтобы я хотел облагодетельствовать зверей. Теперь я пристыжён, и это послужит мне уроком.

Сулейман-бен-Дауд был поистине мудрым человеком, милые мои. После этого он никогда уж не забывал, что хвастаться глупо.

Это была присказка, а теперь начнётся сказка.

У Сулеймана было много жён — девятьсот де-

вяносто девять, не считая красавицы Балкис. Все они жили в большом золотом дворце посреди великолепного сада с фонтанами.

Сулейман-бен-Дауд вовсе не желал иметь столько жён, но в те времена обычай требовал, чтоб у всех было по нескольку жён, а у султана больше, чем у других.

Одни из жён были красивы, другие — нет. Некрасивые ссорились с красивыми, потом все ссорились с султаном, и это его приводило в отчаяние.

Только красавица Балкис никогда не ссорилась с Сулейман-бен-Даудом. Она его слишком любила и, сидя в своих раззолоченных покоях или гуляя по дворцовому саду, не переставала думать о нём и огорчаться за него.

Конечно, Сулейман мог повернуть кольцо на пальце и вызвать подземных духов, которые превратили бы всех девятьсот девяносто девять сварливых жён в белых мулов, или в борзых собак, или в гранатовые семена; но к такому решительному средству он не хотел прибегать, рассуждая, что это значило бы подчёркивать свою власть и хвастаться ею. Поэтому, когда султанши затевали ссору, он уходил подальше в сад и проклинал минуту, когда родился на свет

божий.

Однажды, когда ссоры продолжались целых три недели — ссорились между собою все девятьсот девяносто девять жён, — Сулейман-бен-Дауд, как всегда, отправился искать успокоения в роскошном саду. Под апельсинными деревьями он встретил красавицу Балкис, которая была очень огорчена тем, что султан переживает такие неприятности. Она сказала ему:

— О мой повелитель, свет очей моих! Поверни кольцо на пальце и покажи этим султаншам Египта, Месопотамии, Персии и Китая, что ты могущественный и грозный властитель.

Сулейман-бен-Дауд покачал головой и ответил:

— О подруга моя, радость дней моих! Вспомни, как зверь вышел из моря и пристыдил меня перед всеми зверями в мире за моё тщеславие. Если я стану хвастаться своим могуществом перед султаншами Египта, Месопотамии, Персии и Китая только потому, что они изводят меня своими ссорами, то мне будет ещё стыднее.

Красавица Балкис спросила:

— О мой повелитель, сокровище души моей! Что ж ты будешь делать?

Сулейман-бен-Дауд ответил:

— О подруга моя, утеха моего сердца! Я покорюсь своей судьбе и постараюсь терпеливо выносить вечные ссоры девятисот девяноста девяти жён.

Он ещё гулял некоторое время между лилиями, розами, каннами и душистым имбирём, а потом сел отдохнуть под своим любимым камфарным деревом. А Балкис спряталась в чаще пестролистных бамбуков, высоких ирисов и красных лилий, росших около камфарного дерева, чтобы быть поближе к своему горячо любимому мужу.

Вдруг под дерево прилетели два мотылька, ссорясь между собою. Сулейман-бен-Дауд услыхал, как один из них сказал другому:

— Удивляюсь, как ты позволяешь себе говорить со мной таким образом. Разве ты не знаешь, что стоит мне топнуть ногой — и весь дворец Сулейман-бен-Дауда вместе с этим роскошным садом мгновенно исчезнет с лица земли?

Сулейман-бен-Дауд забыл о своих девятистах девяноста девяти сварливых жёнах. Хвастовство мотылька очень его рассмешило, и он до того хохотал, что камфарное дерево затряслось. Протянув палец, он сказал:

— Иди-ка сюда, малютка.

Мотылёк страшно испугался, но всё-таки

полетел на руку султана и сел, похлопывая крылышками. Сулейман-бен-Дауд наклонился к нему и тихонько шепнул:

— Послушай, малютка, ведь ты знаешь, что, сколько бы ты ни топал, ты не пригнёшь к земле даже самой тоненькой травки. Зачем же ты рассказываешь небылицы своей жене? Ведь эта бабочка, вероятно, твоя жена?

Мотылёк взглянул на Сулейман-бен-Дауда и увидел, что глаза мудрого царя блестят, как звёзды в морозную ночь. Он собрал всю свою храбрость, склонил голову набок и сказал:

— О царь, да продлится жизнь твоя вовеки! Это действительно моя жена. А ты знаешь, что такое жёны?!

Сулейман-бен-Дауд украдкой улыбнулся и сказал:

— Знаю, братец.

— Нужно поддерживать своё достоинство, — объяснил мотылёк. — Жена целое утро ссорилась со мной. Я сказал это, чтоб её успокоить.

Сулейман-бен-Дауд заметил:

— Дай бог, чтобы это её успокоило. Ну, теперь лети к ней, братец. Я послушаю, что ты ей скажешь.

Мотылёк полетел к своей жене, которая вся

трепетала, сидя на листике. Она воскликнула:

— Он тебя слышал?! Сам Сулейман-бен-Дауд тебя слышал!

— Конечно, слышал, — ответил мотылёк. — Я сам хотел, чтобы он меня слышал.

— А что же он сказал? Что? Говори скорее.

— Гм! — ответил мотылёк, напуская на себя важность. — Между нами, милая моя, — он очень испугался, но я его не осуждаю. Дворец ему, видно, стоил больших денег, к тому же и апельсины скоро созреют; вот он и просил меня не топать ногой, и я обещал, что не топну.

— Господи! — воскликнула бабочка и совершенно притихла.

А Сулейман-бен-Дауд хохотал до слёз, так его рассмешило бесстыдство негодного мотылька.

Красавица Балкис стояла среди красных лилий и тоже улыбалась, потому что слышала весь их разговор. Она думала:

«Если я буду умно держать себя, то спасу моего повелителя от неприятностей с этими сварливыми султаншами».

Она протянула палец и тихонько шепнула бабочке:

— Иди сюда, малютка.

Бабочка, жена мотылька, испуганно вспорхну-

ла и села на белую руку Балкис.

Балкис нагнула свою чудную головку и спросила шёпотом:

— Скажи, малютка, ты веришь тому, что сказал тебе сейчас твой муж?

Бабочка взглянула на Балкис и увидела, что глаза красавицы султанши сияют, как глубокое море, в котором отражаются звёзды. Она набралась храбрости и сказала:

— О султанша, да сохранится твоя красота во веки веков! Ты ведь знаешь, какие бывают мужья!

Султанша Балкис, мудрая Балкис, приложила пальцы к губам, чтобы скрыть улыбку, и ответила:

— Знаю, сестрица.

— Они сердятся из-за всякого пустяка, — говорила бабочка, быстро помахивая крылышками, — а мы должны им угождать. Им наполовину нельзя верить. Муж думает убедить меня, что он может, топнув ногой, стереть с лица земли Сулейманов дворец. Я этому не придаю никакого значения, а завтра он сам забудет свои слова.

— Ты права, сестрица, — сказала Балкис. — И в следующий раз, когда он будет хвастать, попробуй поймать его на слове, попроси его топнуть ногой. Посмотрим, что из этого выйдет. Мы ведь

знаем, какие бывают мужья, — не правда ли? Не мешает его пристыдить.

Бабочка улетела к своему супругу, и через пять минут они ссорились пуще прежнего.

— Помни, — кричал мотылёк, — помни, что случится, если я топну ногой!

— Я тебе ни капельки не верю, — возражала бабочка. — Вот попробуй, топни нарочно, сейчас топни.

— Я обещал Сулейман-бен-Дауду не делать этого и не хочу нарушать своего слова.

— Беды не будет, если его нарушишь, — сказала бабочка. — Сколько бы ты ни топал, ты не пригнёшь даже травинки к земле. Ну и топни нарочно.

Сулейман-бен-Дауд, сидя под камфарным деревом, слышал каждое слово и так хохотал, как ему до тех пор ещё никогда не случалось.

Он забыл о своих султаншах, он забыл о звере, который вышел из пучины морской, он забыл обо всём и хохотал, потому что ему было весело. А Балкис среди цветов улыбалась, радуясь тому, что её дорогой супруг развеселился.

Мотылёк, очень взволнованный и разгорячённый, стремительно прилетел под тень камфарного дерева и сказал Сулейману:

— Она хочет, чтобы я топнул! Она хочет посмотреть, что из этого выйдет! О Сулейман-бен-Дауд, ты знаешь, что я похвастался. Теперь она уже не поверит ни одному моему слову. Она всю жизнь будет смеяться надо мною.

— Нет, братец, — ответил Сулейман-бен-Дауд. — Мы сделаем так, чтобы она больше не смеялась над тобою.

Он повернул кольцо на пальце — не для того, чтобы похвалиться своим могуществом, а для того, чтобы помочь мотыльку, — и вмиг перед ним явились из-под земли четыре грозных духа.

— Рабы! — сказал Сулейман-бен-Дауд. — Когда этот господин на моём пальце (наглый мотылёк всё ещё сидел на его руке) топнет левой передней ногой, вы унесите мой дворец и сады в грозовую тучу. Когда он опять топнет, вы всё водворите на прежнее место. Теперь, братец, — сказал он, — лети к своей жене и топай на здоровье.

Мотылёк полетел к жене, которая кричала:

— Я требую, чтобы ты это сделал, требую! Топни, говорю тебе! Топни, топни!

В это время Балкис увидела, как четыре могучих духа взялись за четыре угла сада, посреди которого стоял дворец, и от радости даже захлопала в ладоши.

«Наконец-то, — подумала она, — Сулейман-бен-Дауд ради мотылька делает то, что давно должен был сделать ради собственного благополучия. Теперь, по крайней мере, сварливые султанши будут достаточно напуганы».

Мотылёк топнул ногой. Духи подхватили дворец и сады и подняли их на тысячу миль над землёю. Послышался ужасный раскат грома, и всё скрылось в непроглядной тьме.

Бабочка затрепетала и воскликнула:

— О, я больше не буду! И зачем я так говорила?! Верни на место сады, милый мой супруг! Я обещаю, что больше никогда не стану тебе перечить.

Мотылёк испугался не меньше своей жены, а Сулейман-бен-Дауд так хохотал, что несколько минут не мог вымолвить ни слова. Наконец он перевёл дух и шепнул мотыльку:

— Топни опять, братец, верни мне дворец, о величайший из волшебников!

— Да, верни ему дворец! — сказала бабочка, порхавшая в темноте, как моль. — Отдай ему дворец и не прибегай больше к такому ужасному колдовству!

— Хорошо, милая, — ответил мотылёк с напускной храбростью. — Ты сама видишь, к чему

привели твои придирки. Мне-то, конечно, всё равно. Я привык и не к такому колдовству, но ради тебя и Сулейман-бен-Дауда я готов поставить дворец на место.

Он снова топнул ногой, и в ту же самую минуту духи бережно опустили дворец на землю. Солнце ярко освещало тёмную листву апельсинных деревьев, птицы пели, а бабочка лежала под камфарным деревом, еле двигая крылышками, и твердила взволнованным голосом:

— Я больше не буду! Я больше не буду!

Сулейман-бен-Дауд от смеха не мог говорить. Он погрозил пальцем мотыльку и, заикаясь, прошептал:

— Ах ты, чародей! К чему ты вернул мне дворец, если я должен лопнуть от смеха?

Вдруг послышался страшный шум. Это девятьсот девяносто девять султанш с криком и визгом выбежали из дворца, созывая своих детей. Они сбегали с мраморной лестницы по сто в ряд и спешили к фонтану.

Мудрая Балкис пошла им навстречу и спросила:

— Что с вами случилось, султанши?

Они остановились на широких мраморных ступенях по сто в ряд и крикнули:

— Что случилось? Мы мирно жили в своём золотом дворце, как вдруг дворец исчез и мы очутились в непроглядной тьме. Грянул гром, и во тьме стали сновать духи. Вот что случилось, старшая султанша! Такого испуга нам ещё никогда не приходилось переживать.

Тогда красавица Балкис, по мудрости почти не уступавшая самому Сулейман-бен-Дауду, сказала:

— Успокойтесь, султанши! Один мотылёк пожаловался на свою жену за то, что она с ним ссорилась. Наш повелитель Сулейман-бен-Дауд счёл нужным дать ей урок смирения и покорности, так как эти добродетели высоко ценятся в мире бабочек.

Ей возразила египетская султанша, дочь фараона:

— Не может быть, чтоб наш дворец взлетел на воздух, словно песчинка, из-за какой-то бабочки. Нет, вероятно, Сулейман-бен-Дауд умер, и сама природа громом и тьмою возвестила нам об этом.

Балкис тряхнула головою и сказала султаншам:

— Идите, смотрите.

Они спустились с мраморных ступеней по сто

в ряд и под камфарным деревом увидели мудрейшего из земных владык. Сулейман-бен-Дауд всё ещё заливался от смеха. На каждой руке он держал по бабочке, и султанши слышали, как он говорил:

— О жена моего воздушного брата! Помни, что ты должна угождать мужу, иначе он опять топнет ногой. Ты сама убедилась, что он великий волшебник. Недаром же он похитил дворец самого Сулейман-бен-Дауда. Ступайте же с миром, дети мои.

Он поцеловал им крылышки, и они улетели.

Тогда все султанши, за исключением красавицы Балкис, которая стояла в стороне и улыбалась, упали ниц, мысленно рассуждая:

«Если всё это случилось из-за того, что один мотылёк недоволен своей женой, то что ж будет с нами, когда мы непрестанно надоедаем нашему повелителю своими ссорами и криком?»

Они накинули покрывала, зажали рты руками и на цыпочках побежали обратно во дворец.

Тогда красавица Балкис вышла из-за высоких красных лилий под тень камфарного дерева, положила руку на плечо Сулейман-бен-Дауда и сказала:

— О мой повелитель и сокровище моей души!

Радуйся! Султанши Египта, Эфиопии, Абиссинии, Персии, Индии и Китая получили хороший урок, которого они не забудут.

Сулейман-бен-Дауд, издали наблюдая за бабочками, порхавшими на солнце, сказал:

— О моя подруга и алмаз моего счастья! Я не заметил, как это случилось. Ведь я всё время шутил с мотыльком.

Он подробно рассказал Балкис историю с мотыльком. Нежная, любящая Балкис ответила:

— О мой повелитель и владыка дней моих! Я спряталась за камфарным деревом и всё видела. Это я научила бабочку, чтобы она заставила мотылька топнуть. Я надеялась, что мой повелитель в шутку сотворит какое-нибудь великое колдовство, а султанши при виде этого испугаются и притихнут.

И она рассказала ему всё, что султанши говорили, видели и думали.

Сулейман-бен-Дауд протянул ей руки и весело сказал:

— О подруга моя и услада дней моих! Знай, что если б я совершил это колдовство из гордости или гнева, то был бы так же пристыжён, как тогда, когда я хотел накормить всех зверей в мире. Но, благодаря твоей мудрости, я совершил колдов-

ство ради шутки, чтобы потешить мотылька. Оказывается, что я в то же время избавился от неприятностей с моими сварливыми жёнами. Скажи же мне, подруга моя и сердце моего сердца, откуда ты почерпнула такую мудрость?

Султанша Балкис, красивая и стройная, взглянула прямо в глаза Сулейман-бен-Дауду и, склонив головку набок, как та бабочка, ответила:

— Во-первых, я люблю тебя, мой повелитель. Во-вторых, я хорошо знаю женский характер.

Они возвратились во дворец и жили счастливо до конца дней своих.

А ведь правда, Балкис ловко придумала?

Рикки-Тикки-тави

В нору к смерти лезет смело
Красноглазый Рикки-Тикки:
«Вылезай-ка, Наг, оттуда.
Пропляши нам пляску смерти».
Стали мы друг против друга.
«Начинай-ка, Наг».
Вьются вихрем петли, круги.
«Эй, живее, Наг!»
Одному конец здесь верный.
«Эй, спасайся? Наг!»
Вот и промах беспримерный.
«Горе тебе, Наг!»

Глава I

Это будет рассказ о великой войне, которую вёл Рикки-Тикки-Тави один на один в ванной комнате, на большой даче близ Сеговли в Индии. Дарзи, птичка-портной, помогала ему, а Чучундра, мускусная крыса, давала ему советы, хотя она никогда не решается выходить на середину комнаты, но всегда жмётся к стенам. Самую же войну вёл один Рикки-Тикки.

Рикки-Тикки был мангуст. Спинкой и хвостом он походил на котёнка, но головою и своими движениями напоминал больше хорька. Глаза его и кончик подвижного носика были розового цвета. Он мог почесать какой угодно, передней или задней, лапкой всякое местечко своего тела. Он мог также распушить свой хвостик, так что он становился совершенно похожим на ламповую щётку. А его боевой крик, когда он бежал среди высокой травы, был: «Рикки-тикки-тикки-чик!»

Однажды в летний день после сильного дождя поток воды вымыл его из норки, где он жил со своими отцом и матерью, и понёс его вниз по канаве, прорытой дождём вдоль дороги. Он барахтался и визжал. Наткнувшись на пучок травы, высту-

павшей из воды, он схватился за него, но в эту самую минуту лишился чувств. Когда он пришёл в себя, он увидел, что лежал в саду на дорожке под горячими лучами солнца. Над ним склонился маленький мальчик, который говорил:

— Бедный мангустик, он мёртв. Его нужно похоронить.

— Нет, подожди, — сказала его мать, — лучше снеси его в комнату. Путь он обсохнет. Быть может, он ещё оживёт.

Они взяли мангуста в комнату. Там один высокий человек взял его в руку, посмотрел и сказал, что он не мёртв, но только захлебнулся. Они завернули его в вату и согрели. Мангуст открыл глаза и чихнул.

Этот высокий человек был отец мальчика, англичанин, который только что переехал на эту дачу.

— Теперь не пугайте его, — сказал он. — Мы посмотрим, что он станет делать.

Но испугать мангуста нелегко, так как он весь целиком, от носика до кончика хвоста, состоит из любопытства. Правило жизни всех мангустов: «Бегай и ищи». И Рикки-Тикки был настоящий мангуст. Придя в себя, он прежде всего попробовал вату, в которую он был завёрнут, и решил,

что она невкусная. Затем он побежал по столу, присел, чтобы привести в порядок свой наряд, почесался лапкой и после всего вспрыгнул на плечо мальчику.

— Не бойся, Тедди! — сказала мать. — Он хочет с тобой познакомиться.

— Ой, он щекочет мой подбородок, — сказал Тедди. Рикки-Тикки заглянул между воротником и шеей, понюхал у мальчика в ухе, затем стал карабкаться вниз, спустился на пол и уселся, потирая свой носик.

— Трудно поверить, что это дикий зверёк, — сказала мать Тедди. — Я думаю, он ручной оттого, что мы его спасли.

— Все мангусты таковы, — сказал отец Тедди. — Если Тедди не будет хватать его за хвост, не станет сажать его в клетку, он будет весь день бегать самым непринуждённым образом по всему двору и дому. Надо дать ему чего-нибудь поесть.

Мангусту дали кусочек сырого мяса. Окончив завтрак, он выбежал на веранду, уселся на солнышке и взъерошил на себе шерсть, чтобы просушить до корешка каждый волос. После этого он почувствовал себя ещё лучше.

«В этом доме есть очень много интересных вещей, — сказал про себя Рикки-Тикки. — Едва

ли случалось кому-либо из моих родственников попасть в такое любопытное место. Надо будет здесь устроиться надолго и всё осмотреть».

День он провёл, бродя по всему дому. Он чуть не утонул в кувшине с водой, сунул свой носик в чернильницу на письменном столе, затем обжёг его о конец дымившейся сигары, которую курил высокий человек, так как взбежал ему на плечо, чтобы посмотреть, как пишут. Вечером он прибежал в детскую, чтобы посмотреть, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улёгся в постель, Рикки взобрался к нему на подушку. Но он был очень беспокойный товарищ, так как ежеминутно вскакивал и бежал посмотреть, в чём дело, при малейшем шуме, и так в течение всей ночи.

Отец и мать Тедди, подойдя поздно вечером к постели своего сына, увидели, что Рикки очень удобно устроился у него на подушке.

— Ну, это мне, признаюсь, не нравится, — сказала мать Тедди, — он ещё укусит ребёнка.

— Нет, он этого не сделает, — сказал отец Тедди. — С этим маленьким сторожем Тедди может спать спокойнее, чем с бульдогом. Если бы в детскую вздумала как-нибудь забраться змея…

Но мать Тедди замахала руками, не желая и

слушать о такой ужасной вещи.

Утром Рикки-Тикки явился к раннему завтраку, на веранду, сидя на плече Тедди. Ему дали банан и кусочек варёного яйца. Он посидел у каждого, кто был за столом, переходя от одного к другому. Он пожелал познакомиться со всеми обитателями дома, так как всякий благовоспитанный мангуст надеется со временем сделаться домашним мангустом, жить в комнатах и свободно бегать по ним. А мать Рикки, которая жила в Сеговли в доме генерала, позаботилась научить Рикки-Тикки, как нужно вести себя, если случится попасть в европейский дом.

Глава II

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад, чтобы осмотреть там все достопримечательности. Это был большой полузапущенный сад с высокими кустами прекрасных роз, лимонными и апельсинными деревьями, кустами бамбука и зарослями густой травы. Рикки-Тикки облизнулся от удовольствия.

«О, это великолепное место для охоты», — сказал он себе, и при этой мысли его хвост взъерошился, как щётка.

Рикки стал осматривать внимательно весь сад, как вдруг у куста терновника до него донеслись жалобные звуки.

Это были Дарзи, птичка-портной, и его жена. Они вдвоём выстроили себе на ветке терновника великолепное гнёздышко. Для этого они соединили вместе два больших листа, сшив их края волокнами растений, а пространство между листками наполнив ватой и пухом. Гнездо качалось в воздухе, а птички сидели на его краю и горько плакали.

— Почему вы плачете? — спросил Рикки-Тикки.

— О, мы очень несчастны, — сказал Дарзи. — Нас постигло большое горе. Один из наших птенчиков вчера выпал из гнезда, и Наг его съел.

— Да, это, конечно, большое несчастье, — сказал Рикки-Тикки. — Но я здесь ещё очень недавно и не знаю, кто такой этот Наг.

Дарзи и его жена не успели ответить, вместо ответа они оба юркнули в своё гнездо. А из высокой травы, из-под куста раздалось густое шипение, ужасное, леденящее душу шипение, которое заставило Рикки-Тикки отпрыгнуть назад на добрых два шага. Затем из травы показалась медленно голова и за нею широкий капюшон Нага, большой чёрной кобры (очковой змеи), которая имела добрых пять футов от головы до хвоста. Приподняв над землёй треть своего туловища, змея приостановилась, покачиваясь из стороны в сторону, как качается при ветре цветок одуванчика. Так, качаясь, она смотрела на Рикки-Тикки злобными глазами, которые никогда не меняют своего выражения, что бы ни было у неё в мыслях.

— Ты спрашиваешь, кто такой Наг? — сказала она. — Я, Наг, пред тобою. Великий бог Брама положил эту печать на весь наш род, с тех пор как первая кобра простёрла над ним свой капю-

шон, чтобы защитить его от солнца, пока он спал. Смотри и ужасайся!

Наг распустил свой капюшон шире обыкновенного, и тогда на задней его стороне Рикки-Тикки увидел знак, который имел форму петельки от металлического крючка. На мгновение на него напал страх, но мангуст не может оставаться испуганным сколько-нибудь долго; да к тому же хотя Рикки-Тикки ещё ни разу не видал живой кобры, но мать его не раз кормила мёртвыми кобрами; и потому он знал, что каждому взрослому мангусту придётся со временем ловить и есть змей. Знал это и Наг, и потому страх объял также и его холодное, жестокое сердце.

— Хорошо, — сказал Рикки-Тикки, и шерсть у него на хвосте стала дыбом, — мне всё равно, есть ли на тебе печать бога Брамы или нет; но разве честно есть маленьких птенчиков, которые выпали из гнезда?

Наг не сразу ответил, всё время упорно не спуская глаз с травы позади Рикки-Тикки. Наг знал, что если в саду поселился мангуст, то это грозит рано или поздно смертью ему и всему его семейству: нужно было во что бы то ни стало погубить Рикки-Тикки, и для этого он решил отвлечь его внимание от того, что делалось сзади. Наг слегка

опустил голову и, поглядывая вбок, сказал:

— Ну, поговорим. Ты попрекаешь меня, что я съел птенчика! Ну а ты разве не ешь яиц? Почему же мне тогда не есть птенцов?

— Оглянись! Посмотри, что сзади! — внезапно запел Дарзи. Рикки-Тикки понял, что не следует терять ни мгновения. И, не оглядываясь, подпрыгнул вверх, так высоко, как только мог, и в то же мгновение как раз под ним просвистела голова Нагайны, злой жены Нага. Она подползла сзади, пока Рикки-Тикки был занят разговором с Нагом, и рассчитывала прикончить его. Но её замысел не удался, и она издала злобное шипение. После прыжка Рикки-Тикки очутился на земле почти у самой спины Нагайны, и, если бы он был опытным мангустом, он бы знал, что именно теперь нужно было схватить её и одним ударом перекусить ей спину. Но Рикки-Тикки испугался ответного удара кобры и упустил момент; правда, он укусил её, но недостаточно сильно, и тотчас отпрыгнул назад от взвивавшегося хвоста; а Нагайна уползла злая и раздражённая.

— Ах ты, негодяй Дарзи! — прошипел Наг, подпрыгивая из травы к гнезду. Но Дарзи построил своё гнездо достаточно высоко, и оно только закачалось на ветке из стороны в сторону.

Рикки-Тикки почувствовал, что глаза его стали горячи и красны. Это значило, что мангуст рассердился. Он присел на задние лапы, опираясь на хвост, как какой нибудь маленький кенгуру, и огляделся, щёлкая от злости зубами. Но Наг с Нагайной успели уже тем временем скрыться в траве. Рикки-Тикки не стал преследовать Нагов, так как он не был уверен, удалось ли бы ему справиться одновременно с двумя змеями. Поэтому он побежал по дорожке к дому, затем присел и стал обдумывать, что ему предпринять. Вопрос был для него серьёзный.

Глава III

В старых книгах по естественной истории писали, будто, если мангуста в битве укусит змея, он бежит в сторону и ест какую-то траву, которая спасает его. Но это сказка. Мангуст побеждает змею только благодаря верности своего глаза и быстроте своих ног. На удар змеи мангуст отвечает прыжком; а движения змеи так быстры, что глаз не может уследить за ними. Поэтому ловкость мангуста, когда он увёртывается от удара бросающейся на него змеи, — вещь гораздо более удивительная, чем всякая волшебная трава, спасающая от змеиного яда.

Рикки-Тикки знал, что он ещё молодой мангуст, и потому он очень был горд своей удачей, когда избежал нападения сзади; это придало ему больше уверенности в себе; и, когда Тедди попался ему навстречу, Рикки-Тикки очень хотел, чтобы его поласкали.

Но в ту минуту, как Тедди остановился, раздался лёгкий шелест на песке и тоненький голосок прозвучал:

— Берегись, идёт смерть!

Это был Карайт, пепельно-серая змейка, кото-

рая живёт чаще всего на песчаной почве; её укус так же опасен, как укус кобры. Но она так мала, что никто не подозревает опасности, и потому от неё тем больше гибнет людей.

Глаза Рикки-Тикки опять стали красными, и он стал подпрыгивать и совершать странные движения, быстро качаясь из стороны в сторону, которые он унаследовал от своих предков. Эти движения делали его очень забавным, но они имели свою цель: благодаря таким движениям он мог в любой момент броситься вперёд в любом направлении, а когда приходится нападать на змею, это бывает очень важно. Рикки-Тикки едва ли знал, что ему предстоит выдержать гораздо более опасный бой, чем встреча с коброй. Карайт — очень маленькая змея, и потому она может совершать необыкновенно быстрые движения. И если бы Рикки-Тикки не удалось схватить её за самый затылок, змейка успела бы обернуться и укусить его в глаз или в губу.

Но Рикки-Тикки не знал всего этого. Его глаза налились кровью, а сам он метался то вперёд, то назад, выбирая место, где бы лучше вцепиться в змейку. Вдруг Карайт бросился на него. Рикки прыгнул в сторону, но маленькая змейка чуть было не вцепилась ему в плечи, и, только

перекувыркнувшись, он спасся от этого удара: голова змеи мелькнула под самыми пятками Рикки-Тикки.

Тедди закричал на весь дом:

— Смотрите, смотрите! Наш мангуст напал на змею!

И до ушей Рикки-Тикки донёсся крик матери Тедди. Из дому выбежал его отец с палкой, но, прежде чем он прибежал, дело было уже окончено: Карайт скользнул слишком далеко вперёд, а Рикки-Тикки удачно прыгнул за ним, вцепился ему в спину около самой шеи и мгновенно откатился в сторону. Туловище змеи было парализовано, и она перестала быть опасной.

Рикки-Тикки собирался уже приняться за еду, начав по обыкновению всех мангустов с хвоста, как вдруг вспомнил, что обильная еда делает мангуста вялым, а между тем ему нужно было сохранить всю свою подвижность, чтобы во всякий момент быть готовым сразиться с Нагами.

Рикки-Тикки оставил змею лежать на дорожке, а сам направился под куст клещевины, чтобы там вываляться в песке. В это время прибежал отец Тедди и стал колотить палкой мёртвую змею.

«Зачем это он делает? — думал Рикки-Тикки. — Это совершенно не нужно, я уже сделал всё».

Мать Тедди схватила на руки Рикки-Тикки и стала его прижимать, говоря, что Рикки-Тикки послан к ним Провидением, а сам Тедди стоял неподвижно и смотрел на всё широко открытыми, испуганными глазами. Весь этот шум очень забавлял Рикки-Тикки, который никак не мог понять, для чего всё это делается. Он думал, что мать Тедди ласкает его за то, что он валялся в песке. Во всяком случае, Рикки-Тикки чувствовал себя наверху блаженства.

Вечером за ужином, свободно гуляя по столу среди стаканов, он мог объедаться самыми вкусными вещами. Но он всё время помнил о Наге и Нагайне, и хотя ему было очень приятно, когда его ласкала мать Тедди или когда Тедди усаживал его на своё плечо, но глаза его по временам вспыхивали и становились красными, а из груди вырывался воинственный крик: «Рикки-тикки-тикки-тикки-чик».

Тедди взял его с собою в постель и настойчиво хотел, чтобы Рикки-Тикки улёгся у него на груди. Рикки-Тикки, однако, не хотел ещё спать; но он был достаточно хорошо воспитан, чтобы не сопротивляться, царапать или кусать; он уступил желанию Тедди и лёг, где тот его укладывал, но, когда мальчик уснул, Рикки-Тикки оставил своё

место и пошёл странствовать по дому. В темноте он натолкнулся на Чучундру, мускусную крысу, которая всегда крадётся только вдоль стен. Чучундра — маленькое несчастное существо с разбитым сердцем. Она всю ночь стонет и плачет, всё думая, как бы ей выбежать на середину комнаты, но она ещё ни разу не решалась на подобную дерзость.

— Не убивай меня, — со слезами взмолилась Чучундра. — Рикки-Тикки, не убивай меня!

— Неужели ты думаешь, что истребитель змей станет заниматься охотой на мускусных крыс? — сказал Рикки-Тикки оскорблённым голосом.

— Те, кто убивает змей, часто сами становятся жертвами змей, — сказала Чучундра горестным тоном. — Да притом я постоянно боюсь, что в темноте Наг может принять меня за тебя и убить.

— Ну, этого ты можешь не бояться, — ответил Рикки-Тикки, — так как Наг живёт в саду, а ты, я знаю, никогда не бываешь там.

— Моя сестра Чуа, крыса, рассказывала мне… — внезапно остановилась Чучундра на полуслове.

— Что тебе рассказывала Чуа?

— Шш! Наг везде бывает. Ты лучше поговори сам с Чуа в саду.

— Нет, я не желаю говорить с нею; ты сама

расскажи мне всё. Живее, Чучундра, а то я тебя укушу!

Чучундра вместо ответа уселась и горько заплакала так, что слёзы стали скатываться по её усам.

— Я самое несчастное существо в мире. У меня ни разу не хватало духу выбежать на середину комнаты. Шш! Я сейчас не могу ничего тебе сказать. Ты разве ничего не слышишь, Рикки-Тикки?

Рикки-Тикки стал прислушиваться. Кругом в доме царила мёртвая тишина, но Рикки-Тикки как будто улавливал среди этой тишины едва слышный шелест, какое-то царапанье — звук столь же слабый, какой может производить оса, ползущая по стеклу; но Рикки-Тикки понял, что это был шелест, производимый чешуями змеи по кирпичной стене.

«Это Наг или Нагайна, — догадался он, — они крадутся по водостоку в ванную комнату».

— Да, ты права, Чучундра; мне нужно было бы поговорить с Чуа.

Глава IV

Рикки-Тикки пробежал в ванную комнату Тедди, но здесь он не нашёл ничего подозрительного. Тогда он побежал в ванную матери Тедди. Здесь, внизу у стены, было проделано отверстие, по которому вода из ванны вытекала наружу; обежав ванну, Рикки-Тикки остановился и стал прислушиваться. До него через отверстие водостока донёсся шёпот голосов Нага и Нагайны, которые находились ещё за стеной.

— Когда дом опустеет, — шептала Нагайна, шелестя чешуями и обращаясь к Нагу, — он тоже уйдёт отсюда, и тогда весь сад останется для нас одних, как раньше. Поэтому поскорее иди и помни, что прежде всего нужно укусить высокого человека, который убил Карайта. Покончив с ним, ты выходи сюда, ко мне, и тогда мы оба вместе расправимся с Рикки-Тикки.

— Но уверена ли ты, что когда мы убьём людей, то всё устроится так, как нам нужно?

— Ну конечно! Разве водились здесь, в саду, мангусты, когда в этом доме не было никого? Пока дача была пуста, мы были полные хозяева сада. Не забывай, что скоро у нас выйдут дети из

тех яиц, которые спрятаны на дынной грядке; а они могут вылупиться не сегодня завтра. Тогда нашим детям нужно будет много просторного и спокойного места.

— А я и не подумал об этом, — произнёс Наг. — Да, я пойду. Но думаю, что нам не будет нужно затем ещё охотиться на Рикки-Тикки. Достаточно будет, если я убью большого человека и его жену, да и ребёнка, если случится; я думаю, мы тогда можем быть спокойными. Когда на даче никого не останется, Рикки-Тикки также сбежит с неё.

Рикки-Тикки весь позеленел от злости и бешенства, слушая этот разговор. Но вот в отверстии водостока показалась голова Нага, а затем медленно выползло за нею и длинное пятифутовое его туловище. Как ни был раздражён Рикки-Тикки, но ужас напал на него, когда, сидя за ванной, он увидел, как велика была кобра. Наг уложил свои кольца, приподнял голову и осмотрелся кругом, разглядывая в темноте всё, что было в ванной. И Рикки-Тикки мог слышать при этом шелест его чешуи и видеть блеск его глаз.

«Если я сейчас брошусь на него и убью, то это услышит Нагайна, которая, вероятно, ещё не успела уйти. А если я нападу на него, когда он развернётся на полу, преимущество будет на

его стороне. Как же мне поступить?» — думал Рикки-Тикки.

А Наг медленно шевелился, производя лёгкий шелест, и вдруг Рикки-Тикки услышал, как Наг лакает воду из большого кувшина, служившего для наполнения ванны.

— Всё идёт отлично, — прошипела змея. — Когда высокий человек бил Карайта, у него в руках была палка. Он, вероятно, всегда носит с собой палку, но, когда он утром придёт сюда мыться, у него не будет палки. Я подожду его здесь до утра. Нагайна, ты слышала, что я говорил? Я хочу дождаться его здесь, в холодке.

Но из-за стены не последовало ответа.

«Значит, Нагайна ушла», — решил Рикки-Тикки.

Наг обвился кольцами вокруг кувшина, а Рикки-Тикки продолжал сидеть за ванной, неподвижный, как мёртвый. Так пробыл он с добрый час и затем стал приводить в движение своё тело, мускул за мускулом, и, не производя ни малейшего звука, ползти к кувшину. Наг меж тем вздремнул, а Рикки-Тикки рассматривал его толстую спину, выбирая место, где бы лучше вцепиться в него.

«Если мне не удастся перекусить ему спину с

первого прыжка, — думал Рикки, — он будет в силах биться; и тогда — бедный Рикки!..»

Рикки-Тикки взглянул на толстую шею под капюшоном и увидел, что ему не охватить это место зубами. Он мог бы охватить туловище только у хвоста, но это значило бы только придать больше силы змее, причинив ей боль.

«Остаётся только одно: вцепиться в затылок, — решил наконец Рикки-Тикки, — в голову над тем местом, где начинается капюшон. А если я вцеплюсь в него, так уж не выпущу, что бы он со мной ни сделал».

Так подумал Рикки и прыгнул. Голова Нага лежала около кувшина. Впившись зубами в крепкий затылок змеи, Рикки-Тикки прижался всем своим гибким и длинным туловищем к красной глине кувшина, чтобы держать голову подальше от себя. Всё это длилось не больше секунды, но этого времени было достаточно, и Рикки-Тикки прочно повис на теле змеи. Мгновение спустя змея стала трясти его во все стороны, стараясь сбросить его со своей головы, как собака трясёт схваченную крысу. Змея бешено вертелась, прыгала, свиваясь кругами, ударяя Рикки-Тикки о пол, об острые края ванны, о тазы, сметая на пол мыльницы, щётки и всё, что попадалось под

удары её туловища.

Но Рикки-Тикки с кроваво-красными глазами висел на ней, не разжимая зубов, стискивая челюсти всё крепче и крепче, решившись быть превращённым в котлету, но только не выпускать змеи: этого требовала честь всего рода мангустов. Он не понимал, что с ним делается; он чувствовал всюду боль, как вдруг сзади него что-то ударило с оглушительным громом; горячий ветер обдал его, и красный огонь опалил его шерсть. Шум, который происходил в ванной комнате, разбудил высокого человека; он прибежал с ружьём и выстрелил в Нага из обоих стволов прямо в шею позади колпака.

Когда змея упала без движения, Рикки-Тикки лежал на земле с закрытыми глазами. Мангуст был уверен, что он уже мёртв.

Высокий человек приподнял его и сказал:

— А этот маленький зверёк, Алиса, на этот раз спас нам жизнь.

Вошла мать Тедди с побледневшим лицом и смотрела на безжизненное туловище Нага; а Рикки-Тикки меж тем встал на ноги и медленно направился к кровати Тедди и всю остальную часть ночи пролежал у него на постели, беспрерывно шевелясь, чтобы убедиться, жив ли он

на самом деле, а не изорван в клочки, как ему казалось в бою.

Глава V

Когда наступило утро, он продолжал ещё чувствовать неловкость во всём теле, но на душе у него было радостно.

«Теперь мне остаётся расправиться с Нагайной; а она одна стоит пяти Нагов. Да надо ещё узнать, где эти яйца, из которых должны скоро вылупиться её детёныши, о которых она говорила. Как бы это узнать? Отлично! Наверное, Дарзи это знает; нужно побежать к нему».

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки побежал к кусту, где находилось гнездо Дарзи. Тот сидел на ветке и заливался, воспевая подвиги Рикки-Тикки. Весть о смерти Нага успела уже разбежаться по всему саду, так как все видали тело Нага выброшенным на мусорную кучу.

— Ах ты, глупый комок перьев! — с упрёком сказал Рикки-Тикки, услышав беззаботную песню Дарзи. — Разве время теперь петь?!

А Дарзи заливался:

— Наг погиб, он погиб, он погиб! Отважный Рикки-Тикки схватил его за голову и не выпускал её. Пришёл высокий человек с палкой, несущей огонь и гром, и разрубил Нага пополам! Уже ни-

когда более не станет Наг есть моих детей.

— Всё это совершенно верно, но не знаешь ли ты, где Нагайна? — спросил Рикки-Тикки, подозрительно оглядываясь.

— Нагайна отправилась к водостоку, что у ванной комнаты, чтобы позвать оттуда Нага, — опять начал свою песню Дарзи, — и Наг появился из ванной комнаты на конце палки метельщика, чтобы очутиться на мусорной куче. Будем же прославлять великого, красноглазого Рикки-Тикки! — продолжал петь Дарзи.

— Да прекратишь ли ты свои глупые песни, пустоголовый Дарзи! Вот дай только мне добраться до твоего гнезда! Мигом разметаю всех твоих малышей! — закричал выведенный из терпения Рикки. — Как ты не можешь понять того, что теперь не до песен! Вам там хорошо болтаться между землёй и небом в вашем гнезде, а мне-то каково вести войну здесь. Подожди петь, Дарзи, хоть на одну минутку!

— Преклоняюсь пред желанием великого, прекрасного Рикки-Тикки и перестаю петь, — пропел Дарзи. — Что угодно могучему победителю ужасного Нага?

— Я спрашиваю тебя уже десятый раз: где теперь Нагайна?

— На свалке мусора за конюшнями; она оплакивает своего Нага, — прочирикал Дарзи. — Велик и славен красноглазый Рикки-Тикки с белыми зубами!

— Провались ты с моими белыми зубами! Не случалось ли тебе слышать, где она спрятала свои яйца?

— На дынной грядке, на том конце, который ближе к стене, где солнце печёт в течение всего дня. Они лежат там несколько недель.

— И ты, пустая голова, не подумал сказать мне об этом?! Так на конце, ближайшем к стене, говоришь ты?

— Рикки-Тикки, ты, конечно, не для того спрашиваешь, чтобы съесть эти яйца? — в замешательстве произнёс Дарзи.

— Успокойся, я их есть не буду. Дарзи, я говорю теперь очень серьёзно. Если у тебя есть хоть капелька мозгов, так пойди и летай за конюшнями, около свалочной кучи, притворись, будто у тебя сломлено крыло, для того чтобы отвести Нагайну подальше от дынной грядки, хотя бы даже к своему кусту. Я тем временем сбегаю к тому месту, где она спрятала яйца. Если я сейчас отправлюсь туда, то она меня заметит.

Дарзи был самое легкомысленное существо, и

в его набитой пухом головке сразу могло поместиться никак не более одной мысли. Он знал, что дети Нагов выводятся из яиц, похожих на его собственные яйца, и потому совершенно не мог допустить, что Рикки-Тикки станет уничтожать эти яйца. Но жена Дарзи была капельку умнее самого Дарзи; она кое-как сообразила, что из яиц кобры выходят потом маленькие кобры. Поэтому она оставила Дарзи согревать птенчиков и воспевать хвалу Рикки-Тикки, а сама полетела к дынной грядке. Она стала летать неподалёку от мусорной кучи и жалобно кричать:

— Ох, моё крыло сломано! Мальчик из дома бросил в меня камень и попал мне в крыло!

И она продолжала порхать над самой землёй и горько жаловаться на своё несчастье.

Нагайна подняла голову и прошипела:

— Это ты предупредила Рикки-Тикки о том, что я собираюсь его убить. Теперь тебе придётся плохо. Нельзя сказать, чтобы ты нашла для себя подходящее место летать со сломанным крылом. — И Нагайна направилась к жене Дарзи, быстро скользя по голой земле.

— Ах, как мне больно! Мальчик перешиб мне крыло камнем! — пронзительно чирикала жена Дарзи.

— Отлично! Могу сказать тебе в утешение, прежде чем ты будешь мертва, что я скоро сведу счёты с твоим мальчиком. Мой Наг покоится в мусорной куче, но ещё не успеет закатиться солнце, как мальчик из дома будет лежать столь же спокойно, как он. Ну чего ты улетаешь от меня? Ведь всё равно я тебя догоню, минутой раньше, минутой позже! Да ну же, маленькая дурочка, посмотри на меня!

Но жена Дарзи отлично знала, что не следует смотреть на Нагайну. Она знала, что птичке достаточно взглянуть в глаза змее, чтобы потерять от страха способность двинуться с места. Поэтому, не оглядываясь, жена Дарзи продолжала перепархивать с места на место, жалобно крича, и Нагайна, разозлённая её упрямством, поползла скорее.

Рикки-Тикки слышал, как она направилась вверх по тропинке, которая вела от конюшен к дому, и, не теряя ни мгновения, устремился к дынной грядке, к месту около стены. Здесь в тёплой подстилке из соломы, на которой лежали дыни, он нашёл двадцать пять искусно скрытых яиц, величиной с самое маленькое куриное яйцо, покрытых мягкой беловатой плёнкой, но без твёрдой скорлупы.

— Ещё бы день, и было бы уже поздно, — сказал себе Рикки-Тикки.

Он видел сквозь полупрозрачную оболочку яиц маленьких свёрнутых змеёнышей; он знал, что минуту спустя после своего выхода из яйца каждый из этих змеёнышей может убить человека или мангуста. Поэтому он стал как можно скорее откусывать концы яиц и убивать маленьких кобр; по временам он переворачивал подстилку, чтобы посмотреть, не упустил ли он какого-нибудь яйца. Наконец остались неуничтоженными только три яйца; Рикки-Тикки начал уже внутренне торжествовать, что ему удалось так легко покончить с детьми Нагов, как вдруг он услышал отчаянный крик жены Дарзи:

— Беги, Рикки-Тикки, живее! Я отвела Нагайну к самому дому, и тут она внезапно вползла на веранду — ох, не могу выговорить — и затевает, вероятно, убийство. Беги, беги скорее!

Глава VI

Рикки-Тикки молниеносно раздавил два яйца и с третьим яйцом в зубах помчался от грядки к дому, не чувствуя земли под ногами. Взбежав одним махом на веранду, он нашёл здесь Тедди с матерью и отцом за ранним завтраком. Но, взглянув на них, Рикки-Тикки увидел, что они и не думают о еде. С бледными как мел лицами они сидели неподвижно на своих стульях, как статуи. Нагайна лежала, свернувшись на полу около стула Тедди, рядом с голой ногой Тедди. Она злобно покачивала своей головой и победоносно шипела:

— Сын высокого человека, который убил моего Нага! Я ещё не приготовилась укусить тебя, поэтому сиди смирно и жди. Сидите неподвижно все вы трое. Если вы тронетесь с места, я укушу его, если вы будете сидеть неподвижно, я тоже укушу его. О, горе вам, глупые люди, которые убили моего Нага!

Глаза Тедди были устремлены на отца, который мог только шёпотом произнести:

— Сиди, Тедди, смирно. Смотри не шевелись. Умоляю тебя, не шевелись, Тедди!

В эту минуту Рикки-Тикки выпрыгнул на середину веранды и закричал:

— Рикки-тикки-тикки-тикки-чик! Оглянись, Нагайна, повернись и сражайся!

— Всему своё время, — ответила Нагайна, не сводя своего взора с Тедди и не оборачиваясь, — и с тобой я ещё успею свести счёты. Взгляни на своих друзей, Рикки-Тикки. Они бледны и неподвижны, они оцепенели от страха. Они не смеют шевельнуться, и, если ты сделаешь ещё хоть один шаг ближе, я укушу его.

— А не желаешь ли, Нагайна, взглянуть на свои яйца, что на дынной грядке у стены? — произнёс Рикки-Тикки. — Пойди и полюбуйся на них, Нагайна.

При этих словах большая змея слегка повернула голову и увидала на полу веранды яйцо.

— Ах! — вскрикнула она. — Отдай мне его!

Рикки-Тикки положил яйцо между лапками, и глаза его стали кроваво-красными.

— О, Нагайна, дорогое это яйцо! Что ты мне за него дашь? За молодую кобру? Да ещё за какую! За единственную молодую кобру! За последнюю, за самую последнюю из всего твоего рода, Нагайна? Потому что муравьи уже едят остальных молодых кобр там, на дынной грядке.

Нагайна сделала крутой поворот, забывая ради яйца всё остальное; и Рикки-Тикки видел, как отец Тедди протянул свою сильную руку, схватил Тедди за плечо и перетащил его на другую сторону чайного столика, где Нагайна не могла его достать.

— А, не удалось! Рикки-тикки-чик! — засмеялся Рикки-Тикки. — Мальчик в безопасности; и вот теперь пред тобой, Нагайна, — я; я — тот самый, который сегодня утром схватил твоего Нага за колпак в ванной комнате.

Сказав это, Рикки-Тикки стал подпрыгивать на всех четырёх лапках, держа голову всё время у самой земли.

— Он швырял меня во все стороны, но он не мог сбросить меня с себя. Он был мёртв ещё до того, когда высокий человек разрубил его пополам. Это я убил его. Рикки-тикки-чик-чик! Подходи же ко мне, Нагайна, подходи и вступай со мной в бой! Тебе недолго придётся пробыть одинокой вдовой.

Нагайна видела, что она упустила минуту, когда могла убить Тедди, а яйцо её было в лапах Рикки-Тикки.

— Отдай мне моё яйцо, Рикки-Тикки. Отдай мне моё последнее яйцо, и я обещаю, что уйду отсюда

и никогда не вернусь обратно, — говорила она умоляющим голосом и опустив свой капюшон.

— Ты говоришь, что уйдёшь и никогда не вернёшься? Да, ты уйдёшь и не вернёшься, потому что ты уйдёшь к своему Нагу на мусорную кучу. Нет, не разговаривай, а сражайся со мною! Сражайся поскорее! Высокий человек пошёл за ружьём. Так сражайся!

Рикки-Тикки прыгал вокруг Нагайны, остерегаясь приближаться к ней на расстояние её удара, и глаза его были красными, как раскалённые уголья.

Нагайна подобрала своё туловище и устремилась на него. В то же мгновение Рикки-Тикки совершил прыжок вверх и в сторону. Она стала наносить удар за ударом, но Рикки-Тикки всякий раз удачным прыжком увёртывался от удара, и было слышно, как при этом голова змеи стукалась всякий раз о циновку веранды. Тогда Рикки-Тикки стал прыжками заходить сзади Нагайны, но Нагайна описывала быстрые повороты, свёртываясь и развёртываясь, как часовая пружина, и всё время держала свою голову как раз против головы Рикки-Тикки. Своими быстрыми движениями она производила шелест, подобный тому, который производит ветер, подымая сухие

листья.

Рикки-Тикки, прыгая вокруг Нагайны, забыл про яйцо. Оно по-прежнему лежало на полу веранды, и Нагайна незаметно всё больше и больше приближалась к нему. Вдруг, в то время как Рикки-Тикки переводил дыхание, она схватила яйцо в рот, круто повернулась на лестницу, которая вела в сад, и стрелой пустилась вдоль по дорожке. За ней понёсся Рикки-Тикки. Рикки-Тикки знал, что он во что бы то ни стало должен нагнать Нагайну, если же он её упустит, то ему придётся начинать всё сначала.

Нагайна направилась в заросли густой и высокой травы около куста, где было гнездо Дарзи. И когда Рикки-Тикки подбегал к кусту, он мог слышать, что легкомысленный Дарзи продолжает беззаботно воспевать подвиги Рикки-Тикки. Но жена Дарзи была умнее его. Когда Нагайна проскальзывала мимо её куста, она слетела с гнезда и замахала крылышками у самой головы Нагайны. Если бы ей помогал ещё и Дарзи, им, быть может, удалось бы остановить Нагайну. Но одна жена Дарзи не смогла это сделать; Нагайна только прижала к земле свою голову и продолжала свой путь. Впрочем, Нагайна потеряла при этом несколько мгновений, и это помогло Рикки-

Тикки догнать её как раз в тот момент, когда она проскользнула в нору, где жила вместе с Нагом. Рикки-Тикки успел запустить свои мелкие белые зубки в хвост Нагайны и исчез вместе с нею в тёмном отверстии норы. Немногие мангусты, даже самые старые и опытные, решаются преследовать кобру в её норе. Во мраке норы Рикки-Тикки не мог видеть, нет ли впереди расширения, которое позволило бы Нагайне повернуться и нанести ему удар. Он крепко держал зубами хвост Нагайны и, упираясь лапками в тёплую влажную землю, старался мешать Нагайне двигаться глубже.

Когда Рикки-Тикки исчез в глубине норы и трава у входа в нору перестала качаться, Дарзи решил, что Рикки-Тикки погиб, и запел:

— Погиб наш храбрый Рикки-Тикки. Пропоём ему погребальную песнь! Нет уже нашего славного Рикки-Тикки. Наверное, извела его уже под землёй ужасная Нагайна!

Так пел Дарзи свою самую грустную песенку, какую ему когда-либо приходилось петь, которую он сочинил в одну минуту. И вот, когда он дошёл до самого трогательного места своей песенки, вдруг опять закачалась трава над отверстием норы и из неё показался весь покрытый пылью Рикки-Тикки. Он медленно вышел, вытянув,

лапку за лапкой, своё длинное тело, и стал отряхиваться и облизывать свою мордочку. Увидев его, Дарзи сразу замолк и слегка вскрикнул, а Рикки-Тикки, почистившись и умывшись, чихнул и сказал:

— Всё кончено. Нагайна никогда больше не придёт сюда.

И красные муравьи, которые живут между стеблями травы, услыхали слова Рикки-Тикки и толпами устремились вниз, в нору, чтобы посмотреть, правду ли сказал Рикки-Тикки.

А Рикки-Тикки свернулся калачиком тут же в траве и уснул. Он спал долго и проснулся, только когда день склонялся к вечеру. Он сильно устал, потому что день выпал для него очень тяжёлый.

Пробудившись, он сказал:

— Теперь я пойду в дом. А ты, Дарзи, отыщи кузнеца и скажи ему, чтобы он оповестил весь сад, что Нагайны уже больше нет на свете.

Кузнец — это птичка, которая издаёт звук, очень похожий на удар небольшого молотка по медной кастрюле. А стучит кузнец своим молоточком потому, что в его обязанности входит оповещать всю округу о событиях дня и рассказывать все новости всем, кто пожелал бы послушать. Он исполняет среди населения индийского сада

те же обязанности, как и городской глашатай в индийском городе.

Когда Рикки-Тикки выбежал на дорожку сада, он услышал сначала звук маленького гонга, который обозначал приглашение ко вниманию; за тонкими высокими нотами последовали другие, более густые:

— Динг-донг-ток! Наг мёртв — донг! Нагайна мертва — донг-донг-ток!

Услышав эту весть, все птицы залились в один голос, заквакали и лягушки, так как Наг и Нагайна также не брезговали и лягушками и ели их наряду с мелкими птичками.

Когда Рикки пришёл в дом, отец и мать Тедди встретили его радостными криками, ласкали его, чуть не плакали от счастья, увидев, что он остался жив.

За ужином он ел, не думая ни о чём, до тех пор пока не почувствовал, что больше есть уже некуда. Он отправился спать на плече Тедди, и здесь нашла его мать Тедди, когда поздно вечером заглянула в детскую.

— Он спас нам всем жизнь, — сказала она, обращаясь к отцу Тедди. — Подумай только, он спас нас всех от смерти.

Рикки-Тикки проснулся и вспрыгнул, так как

все мангусты спят очень чутко.

— А, это вы, — сказал он. — О чём это вы ещё толкуете? Ведь все кобры уже мертвы; а если бы заглянули сюда какие-либо другие, так ведь я же здесь.

Рикки-Тикки имел право гордиться собою. Но он не стал слишком зазнаваться и продолжал стеречь весь сад так, как стерегут мангусты: бегая, прыгая, осматривая, кусая. С этих пор ни одна кобра не решалась показаться за оградой дачи.

Песня Дарзи

(В честь Рикки-Тикки-Тави)

Я всё шью и пою, я певец и портной.

Вот под сенью кустов и мой дом из листов,

Сшитых тонкой травой.

Я пою мою песнь, она льётся, всё льётся.

И мой дом из листочков всё шьётся, всё шьётся.

Пойте все, веселитесь, не бойтесь!

Подымите головки, скорей успокойтесь!

Он погиб, наш горе-мучитель.

Он уж мёртвый лежит, наша смерть, наш губитель.

Бич, что жил среди роз, для нас больше не страшен:

Он на мусорной куче, он нам не опасен.

Где ж герой? Расскажите вы, кто наш спаситель?

И как имя его? Кем убит наш губитель?

Так узнайте ж героя: то храбрый наш Рикки!

Это он наш спаситель, красноглазый наш Тикки!

Рикки наш, белозубый, прекрасный!

Тикки наш, красноглазый, ужасный!

Благодарность, о птицы, ему воздавайте!

Попышней наряжайтесь, с почётом встречайте.

Соловьиные песни ему возносите.

Ну, все вместе начнёмте! За мною следите.

Так начнём: «Твои подвиги я воспою, славный Рикки,

Пышнохвостый красавец, красноглазый наш Тикки!..»

(На этом месте Рикки-Тикки прервал песню Дарзи, и потому конец её остался неизвестным.)